

Родителей больных детей больше не будут сажать в тюрьму

Правительство выделило деньги на закупку зарубежных лекарств «Фризиум», «Диазепам», «Мидазолам» и «Фенобарбитал»

понедельник среда **пятница**

НОВАЯ

газета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

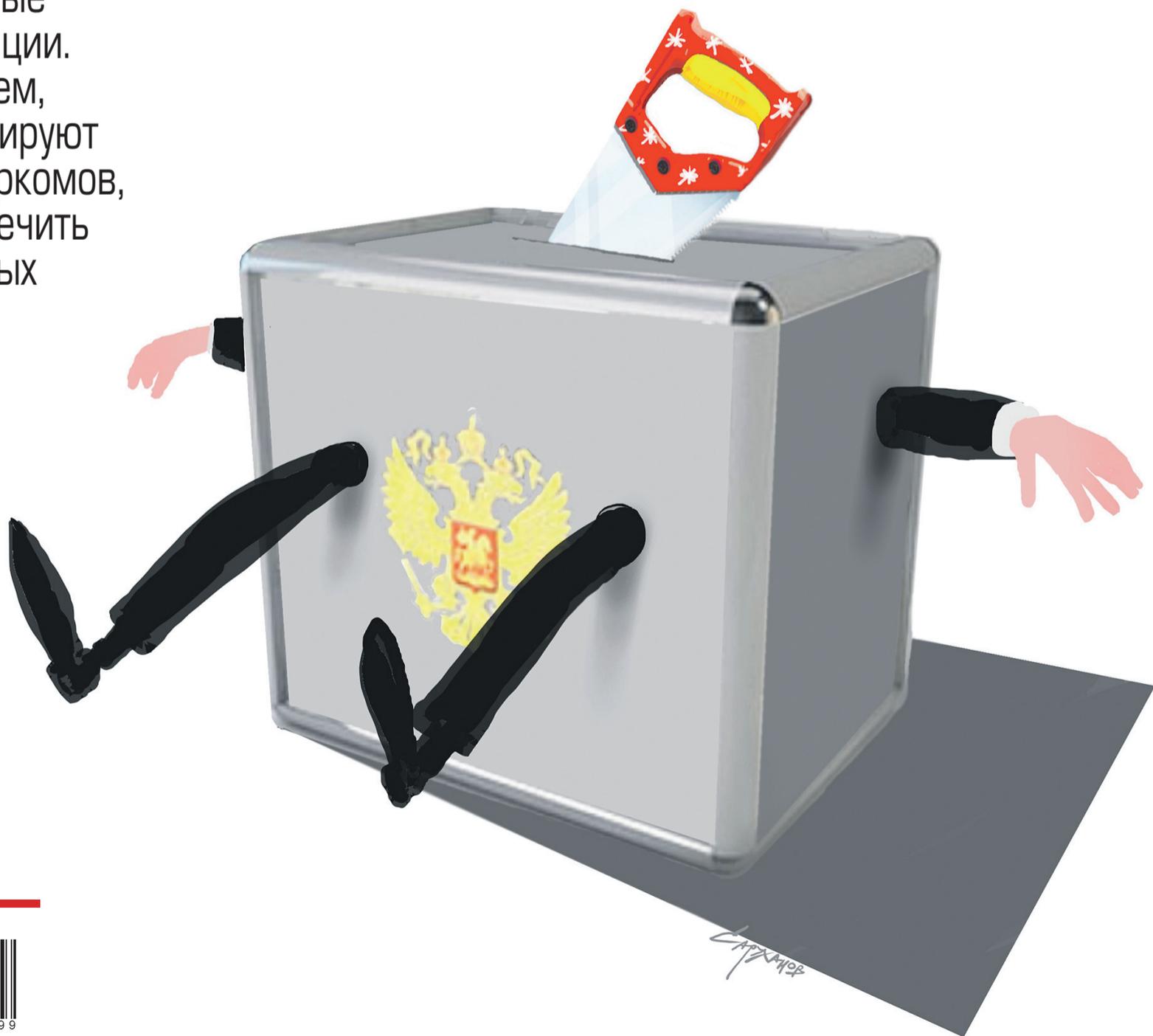
страница 4

№ 99 (2964) 06.09.2019 г.

ОХОТНИКИ за голосами

На любое «умное голосование» найдутся тупые фальсификации. Рассказываем, как инструктируют членов избиркомов, чтобы обеспечить победу нужных кандидатов

страница 20

Архангельских летчиков пытались заставить возить топливо в Шиес. Они отказались и написали заявления об увольнении

В Архангельской области летчики авиаотряда объявили начальству ультиматум: либо предприятие отказывается обслуживать строительство свалки в Шиесе, либо пилоты увольняются. Заявления написали 50 из 90 сотрудников отряда.

«2-й Архангельский объединенный авиаотряд» базируется на аэродроме Васьково. Это крупнейшее вертолетное предприятие Северо-Запада России, сохранившееся с советских времен. Пассажирская малая авиация, грузоперевозки, авиалесоохрана, санавиация, поисково-спасательные операции — все обеспечивают пилоты из Васьково. У маленькой компании миллиардная годовая выручка. В расписании пассажирских рейсов более двух десятков точек в «отдаленке», куда иначе добраться практически невозможно.

Авиаотряд сохранил кадры, маршруты, парк техники. Это одно из немногих на Северо-Западе экономически успешных предприятий.

А проблемы у авиаторов начались весной.

— Когда активисты начали блокировать дороги для поставок топлива на стройку в Шиесе, встал вопрос о том, чтобы возить его воздушным транспортом, — говорит Олег Черненко, вице-спикер архангельской городской думы. — Авиаотряд принадлежит области, его учредитель — правительство. Неудивительно, что доставку топлива губернатор решил возложить на него. Летчики отказались наотрез.

Напомню, стройка в Шиесе стала причиной масштабного конфликта: по договоренности московских и архангельских властей там должен появиться полигон для столичного мусора. Люди протестуют больше года, им удается блокировать подъездные пути к будущему полигону, подрядчики не могут доставить туда топливо, техника в итоге простаивает. С мая инвестор предпринимает попытки доставлять горючее вертолетом. После отказа авиаотряда совершать эти рейсы, топливо взялся возить частный борт. 10 мая активисты попытались помешать его разгрузке и на глазах полиции были жестоко избиты частными охранниками.

Как сообщает «Белсат», 35-летним бортом RA-22766 владеет компания ЗАО «УК «Стройгазинвест», которая находится в процессе ликвидации. Эксплуатант борта с 90-процентной долей вероятности — «Спарк-авиа», лишённая сертификата после гибели 16 человек в Мурманской области в 2014 году, когда в катастрофе Ми-8 разбились члены областного правительства.

Так или иначе, ненадежные и дорогие коммерческие рейсы делают шиесское топливо золотым — час аренды Ми-8 стоит не менее 150 тысяч рублей. Инвестору — ООО «Технопарк» — разумеется, выгоднее договориться с областью, чтобы приоритетный проект (так чиновники ухитрились назвать шиесскую свалку) обслуживал «государственный», читай бюджетный, авиаотряд. Отказ гендиректора архангельского авиаотряда Юрия Давыдова, как говорят наши источники, взбесил губернатора Игоря Орлова.

Скандал произошел на фоне другого, вялотекущего конфликта, вызванного планами по объединению двух отрядов, архангельского и нарьян-марского, в единое предприятие «Арктика». Это еще один прожект Игоря Орлова, поначалу

Протест становится на крыло

поддержанный его коллегой из НАО. Однако вскоре архангельский губернатор остался без поддержки: в Нарьян-Маре, где прекрасно умеют считать, поняли, что идея нежизнеспособна. Маниловский замысел заключался в том, чтоб пересадить пилотов малой авиации на «Суперджеты». Понятно, что ни соответствующей обслуживающей техники, ни навыков, ни самих «Суперджетов» ни в одном из двух авиаотрядов нет. Непонятно только, зачем

«Сухого», прямо скажем, не то, что обслуживать самолеты Ан-2, Л-410, вертолеты Ми-8 и Ми-26, из которых сейчас состоит авиапарк отряда. В маленьком аэропорту Васьково для приема «Суперджета» нет даже трапов и противообледенительных машин, а посадка в главном аэропорту области Талаги будет стоить денег. Лизинг одной машины обойдется в 15 миллионов в месяц, где найти летные и кабинные экипажи и из каких «сбережений» им пла-

«Авиаотряд принадлежит области, его учредитель — правительство. Неудивительно, что доставку топлива в Шиес губернатор решил возложить на отряд. Летчики отказались наотрез»

Орлову «Суперджеты». Впрочем, к заключенному 9 апреля между двумя регионами соглашению никакого бизнес-плана не прилагалось, известно лишь, что «Сухие» планировалось брать в лизинг на 12 лет в количестве от трех до шести штук, а летать на них в Петербург.

Попутно в отряде была создана должность директора по развитию, а назначен на нее не имеющий никакого отношения к авиации бывший руководитель Корпорации развития Архангельской области Алексей Ковалев. В отряде заговорили о том, что его прочат в директора будущей объединенной компании «Арктика».

Помимо небезупречной репутации «Суперджета» его аренда грозила отрядом еще и банкротством. Обслуживать

— вообще неясно. Востребованность новых самолетов тоже сомнительна: из Москвы и Петербурга в Архангельск ежедневно летают несколько регулярных рейсов разных авиакомпаний, заполнены они далеко не под завязку.

— В Нарьян-Маре быстро поняли, что проект бесперспективный: нет персонала, нет специалистов, и потихоньку эта идея у них сошла на нет, а у нас, напротив, решили ее продвигать, — говорит Олег Черненко. Он сам в прошлом авиатехник и всю жизнь работал в мятежном отряде. Действительно, в июне губернатор НАО Цыбульский провел встречу с нарьян-марским отрядом и согласился с доводами летчиков против создания межрегиональной компании.

Архангельские пилоты впервые вышли на митинг в мае. Губернатор, которого ждали, к ним, разумеется, не вышел. Зато через несколько дней в отряд пришла проверка контрольно-ревизионного управления.

С финансами в отряде все было прозрачно. Олег Черненко вспоминает, как гендиректор Юрий Давыдов сумел в 90-е сохранить предприятие. Архангелогородцы тогда получали контракты в Африке и регулярно летали туда — оставаясь при этом не частным, а государственным предприятием. Компания не ушла в частные руки, не стала сугубо коммерческой, не отказалась от социальных обязательств и при этом сохранила большую часть маршрутов — в отличие, к примеру, от малой авиации в соседней Мурманской области или Карелии. Давыдов был у руля компании четверть века — это абсолютный авторитет. С 26 августа контракт с ним расторгнут по воле учредителя — областного правительства. Проверка КРУ насчитала недоимок на 20 миллионов. По версии проверяющих, отряд на бумаге завышал убытки от субсидируемых рейсов, чтобы получить больше денег из казны в качестве компенсации. Отряд подал на результаты проверки в суд. Тогда пришла новая комиссия — уже из Минтранса. Сумма недоимок волшебным образом сократилась до 183 тысяч. Но авиаторы настаивают — и это неправда, в бухгалтерии отряда все чисто.

6 сентября летчики планировали второй митинг, но архангельская мэрия его не согласовала.

Суды еще идут, а Давыдов уже уволен. Избавившись от неуступчивого руководителя, губернатор Орлов тут же — 1 сентября, находясь на авиасалоне «МАКС-2019», заявил, что создание объединенной авиакомпании «Арктика» — вопрос решенный. «Конечно же, мы не забываем про наше соглашение с Ненецким автономным округом о создании авиакомпании «Арктика», работа над проектом продолжится», — сказал он в интервью ТАСС, очевидно, пропустив мимо ушей, что объединяться особенно не с кем. «Решение о создании авиакомпании не принято. Ни одного юридически обязывающего документа не подписано. Те опасения и риски, которые вы обозначаете, мне кажутся абсолютно разумными», — заявил в ответ губернатор НАО Цыбульский.

Новый гендиректор в архангельский отряд уже назначен. Им стал 71-летний Николай Соловьёв, бывший замначальника службы внутреннего контроля архангельского аэропорта Талаги и член совета директоров авиаотряда. 3 сентября он встретился с летным составом. Уговаривал пилотов отозвать заявления об уходе. Массовое увольнение парализует все воздушное сообщение в регионе, ставя под угрозу не только регулярные перевозки, но и вылеты санавиации. В ответ летчики выставили свои требования: никакого объединения и никаких рейсов в Шиес.

— Новый гендир попросил месяц, чтобы выполнить все требования. В том числе и то, что их не будут заставлять возить топливо на Шиес, и справедливого расследования деятельности бывшего директора. Решили дать ему шанс. Если обвинения не подтвердятся, отряд будет добиваться восстановления его в должности. Также написали официальные обращения в Минтранс, в администрацию президента, во всероссийский профсоюз летчиков, в другие инстанции — сообщил «Новой» источник в отряде.

Татьяна БРИЦКАЯ,
соб. корр. «Новой» по Заполярью

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

49 летчиков из 50 согласились забрать заявления об увольнении. В случае невыполнения их требований они готовы уже окончательно покинуть отряд.

Первая
партия
фигурантов
дела «27 июля»
отправится
в колонии

Кирилл Жуков

Константин Котов

Виктория ОДИССОНОВА — «Новая»

«Я считаю, что судят не меня, а свободу»

Евгений Коваленко

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

В Мещанском и Тверском судах Москвы (оба находятся в одном здании на Каланчевской, 43) 3, 4 и 5 сентября в было столпотворение из журналистов и зрителей. На 4-м этаже судили Константина Котова по «дадинской статье» и первую четверку арестованных по «московскому делу». Приговоры выносились на фоне экстренно поступающих сообщений о прекращении уголовных дел в отношении части фигурантов (Сергея Абаничева, Владислава Барабанова, Даниила Конона, Валерия Костенка) и перевода под домашний арест Сергея Фомина и Егора Жукова. Впрочем, хорошие новости разбавлялись новостями плохими: СК привлек к уголовному делу «о массовых беспорядках» 27 июля еще двух человек — московского строителя Эдуарда Мальшевского и пермского предпринимателя Никиту Чирцова (Басманный суд уже отправил обоих в СИЗО). Никак не изменилась судьба Алексея Миняйло (ч. 2 ст. 212), Айдара Губайдуллина (ч. 1 ст. 318) и Самариддина Раджабова (ч. 2 ст. 212 и ч. 1 ст. 318) — они по-прежнему под следствием и под стражей. И очевидно, что суды над ними вряд ли будут тянуться долго.

Судьбы Ивана Подкопаева и Даниила Беглеца, признавших вину и согласившихся на особый порядок (ускоренный судебный процесс без исследования доказательств), Тверской суд 3 сентября решил буквально за два часа. 25-летний Подкопаев проведет ближайшие 3 года в колонии общего режима — за то, что расплылся на акции перцовый баллончик (никто не пострадал). В такой же колонии, только 2 года, проведет 26-летний Беглец — за то, что подал человеку, которого задерживали, упавшие наушники и коснулся рукой омоновца. По версии следствия, «схватил омоновца за запястье правой руки и, сдавив, отдернул в сторону». Это еще один наглядный пример того, что признание вины ничего не гарантирует (что бы ни обещали следователи), а те, кто не признает вину, хотя бы сохраняют право на апелляцию и Страсбург.

Процессы над не признавшими свою вину Кириллом Жуковым и Евгением Коваленко растянулись на весь день с перерывом на ночь — для написания приговоров. Но и эти суды закончились с тем же результатом: приговоры дублировали обвинительное заключение. 4 сентября судья Мария Сизинцева приговорила

Жукова к 3 годам колонии — за то, что тот дотронулся до шлема росгвардейца. Судья Олеся Менделеева в тот же день приговорила к 3,5 года Коваленко — за то, что в сторону одного силовика он бросил урну, а другого толкнул.

Потерпевшие «представители власти» — сотрудники Росгвардии и полиции — пришли в суд по делу Жукова и Коваленко сами, собственными ногами, рассказали, что нанесенные увечья в больнице не фиксировали, на суде продемонстрировать эти увечья не смогли, но заявили, что хорошо помнят, как «испытывали физическую и моральную боль».

Двое «потерпевших» крепкого телосложения — сотрудник ОВД по ЦАО Евгений Терещенко и сотрудник ОМОНа Максим Салиев — сидели на отдельной лавочке для зрителей и внимательно читали рукописные листки, ожидая, когда их пригласят за трибуну. Из оглашенных листков (читали без выражения) следовало, что гражданин Коваленко, участвуя 27 июля в несогласованном мероприятии в центре Москвы, с силой толкнул обеими руками в область туловища справа полицейского Евгения Терещенко, отчего тот потерял равновесие и упал с высоты собственного роста на гранитные ступени в пешеходной зоне, «испытыв физическую боль». Поднявшись со ступеней, он продолжил «пресечение незаконной деятельности» Коваленко, к нему на помощь пришел боец ОМОНа Максим Салиев. Коваленко схватил того «за бронезилет и потянул рывком на себя». А затем кинул в его спину мусорный бак.

Выступившие свидетелями обвинения пятеро полицейских дали все как один одинаковые показания о том,

что подсудимый кидал урну. Лично задержавший Коваленко оперативник Центра «Э» Андрей Разумов рассказал, что когда Коваленко кидал урну, «у него горели глаза».

Ранее телеканал «Дождь» опубликовал кадры оперативной съемки, на которой видно, что перед киданием урны Коваленко пытался защитить других людей от жесткого задержания. Бросив урну (по видео трудно уверенно сказать, что она попала в омоновца, он даже не шелохнулся), Коваленко попытался убежать, но его догнал и схватил работавший на акции в штатском Разумов.

Сам 48-летний Коваленко заявил, что пришел на акцию, поскольку его задело то, что москвичей лишили права голоса, а швырнул урну в полицейских он с целью помешать им избивать безоружных граждан: «На моих глазах людей били так, что у одного сотрудника Росгвардии резиновая палка разбилась о спину участника акции. Я надеялся отпугнуть. Это был больше жест отчаяния».

«Потерпевшие» настаивали на реальном сроке. Судья Менделеева их не подвела. У Коваленко на иждивении осталась одинокая престарелая мать.

Потерпевший по делу Кирилла Жукова — рядовой Аскарбек Мадреймов, напротив, просил суд не наказывать того по всей строгости. «Ну ошибся человек, не подумал. Надо дать ему шанс исправиться», — заявил военнослужащий. При этом, не смутившись, повторил версию, что Жуков нанес ему удар в забрало шлема, после которого у него откинулась голова, ремешок сдавил шею, тем самым причинив физическую боль. Это же повторили три свидетеля обвинения — его сослуживцы. При этом один из них, Дмитрий Комаров, находился вообще в другом месте и знал о «боли» Мадреймова с его слов. Другой, Карен Мадоян, стоял за ним сзади и не мог видеть точного движения руки Жукова и что именно он там делал.

В ходе просмотра видео из материалов дела адвокат Светлана Байтурина обратила внимание судьи на кадр, где видно, как Жуков подходит к стоящим в сцепке гвардейцам. Видно потерпевшего — шлем на его голове не застегнут, то есть боли от ремешка быть не могло в принципе.

Сам Жуков на допросе рассказал, что никакого умысла на насилие у него не было: «Увидел бойца, который смотрел в ноги. Хотел привлечь его внимание,

сделал неопределенный жест». Он отметил, что является правойшой, а взмывал левой рукой, никакого удара он не наносил.

«Мне нечего скрывать, но я не хочу соглашаться с тем, что считаю неправильным», — сказал Кирилл Жуков в своем последнем слове. — Я не пугался в показаниях, не говорил, что меня там не было. Я там был. Но, конечно, не думал, что мои действия принесут столько проблем. Я хочу извиниться перед потерпевшим — он просил не наказывать меня строго, на очной ставке мы нормально общались, ему понравились мои идеи. Мы могли бы даже подружиться. Я молю вас, ваша честь, об условном сроке: ради матери, которая теряет здоровье из-за нервов, моих близких, тех людей, которым я помогал как волонтер, и мог бы еще помочь. Я прошу не лишать меня этой возможности».

Дальше вы все знаете. Когда номер подписывался в печать, началось оглашение приговора программисту Константину Котову, обвиняемому по «дадинской статье». Накануне прокурор запросил для него четыре с половиной года колонии.

«Я считаю, что судят не меня, а право на свободу слова и свободу собраний», — сказал Котов в последнем слове. — Нет независимых партий, нет честных выборов, остается один выход — идти на улицу и там прокричать свои требования. Но даже это не разрешают. Публичные акции не согласовывают, мирный протест называют массовыми беспорядками, сотни и тысячи людей судят административно, некоторых сажают под арест. А некоторых, в том числе и меня, судят по уголовной статье за то, что я неоднократно пытался выразить свой протест. Я считаю, что этими действиями режим сам себе роет могилу. Если легальные формы протеста запрещены, рано или поздно на улицах города мы увидим не мирные акции, а восстание доведенных людей. Я этого не хочу. Никто из тех, кто выходил со мной на мирные мероприятия, тоже этого не хочет. Поэтому надо бороться до последнего за наше и ваше право. Россия обязательно будет свободной. Для этого нужно только не бояться». Суд приговорил Котова к четырем годам колонии общего режима.

Надежда ПРУСЕНКОВА,
Вера ЧЕЛИЩЕВА, «Новая»

«Еще один наглядный пример того, что признание вины ничего не гарантирует»

«Эта бумага — безопасность для тысяч родителей и уменьшение страданий для тысяч детей»

Правительство РФ выделило деньги на закупку зарубежных лекарств для детей, страдающих хроническими заболеваниями с болевым и судорожным синдромами. Будут закуплены фризидум, диазепам, мидазолам и фенобарбитал.

PhotoXPress

Влад ДЮКШИН — «Новая»

Решение правительства по просьбе «Новой газеты» комментирует глава фонда помощи хосписам «Вера» **Нюта ФЕДЕРМЕССЕР:**

— Наконец произошло подписание бумаги, легализующей ввоз очень крупной партии препаратов, снимающих судороги и болевой синдром. Эти препараты существуют в мире и широко и эффективно используются во врачебной практике. Часть из них присутствовала в России, но не в необходимой для детей форме. Поэтому родственники больных детей, которые пытались заказать эти препараты через интернет или привозить из-за границы, вынуждены были становиться частью схемы нелегального оборота, их могли обвинить в распространении наркотических средств, они могли сесть в тюрьму по обвинению в контрабанде.

Эта бумага — безопасность для тысяч родителей и уменьшение страданий для тысяч детей. Это мощный гуманитарный шаг, это демонстрация того, что все-таки государственным мужам не все равно. И еще это очередная фантастическая победа гражданского общества. Очень

важно людям сегодня видеть, что невозможное возможно. Недостижимого нет.

Но это только начало большой работы, предполагающей изменение федерального законодательства. Ее уже начали совместно Минздрав, МВД, Минюст, аппарат вице-преьера Голиковой. Это еще и работа нескольких очень отважных медиков, которые не побоялись приходить на совещания и рассказывать, как все на самом деле происходит и почему отсутствие этих препаратов — катастрофа. За последние недели удалось собрать сводные данные о количестве пациентов, и сбор данных будет продолжен. Схема распределения тоже уже разработана. Я очень рассчитываю, что для врачей и пациентов будет открыта горячая линия по этой теме.

И самое главное на сегодня: на почту за заказанным лекарством, рискуя сесть в тюрьму, больше ходить не придется.

Наталья ЧЕРНОВА, «Новая»

Развернутое интервью с Нютой ФЕДЕРМЕССЕР — в ближайших номерах «Новой»

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ

БОЛЬШОЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ
(Б.Никитская ул., 13)

НОВАЯ
газета

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА

8 СЕНТЯБРЯ
ВОСКРЕСЕНЬЕ
2019

440 Гц
русская премия
им. Анны Политковской

«КАМЕРТОН»

ЕКАТЕРИНА
ДЕРЖАВИНА
фортепиано

19.00

АЛЕКСЕЙ
ЛЮБИМОВ
фортепиано

КАССА КОНСЕРВАТОРИИ
(495) 629-91-68

Половина моста на Восток

«Китайская повестка» ВЭФ сведена к минимуму

Во Владивостоке завершилась основная часть программы 5-го Восточного экономического форума. Первой крупной новостью с ВЭФ стал маркетинговый ляп: вместо моста на остров Русский Минпромторг по ошибке напечатал на официальном буклете и всей сувенирной продукции изображение вантового моста в Бангкоке.

С мостами на Дальнем Востоке проблема не только на рекламных листовках, но и в реальной жизни. В 2014 году железнодорожный мост через реку Амур должен был стать эмблемой нового «поворота на Восток». Китайцы быстро построили свою половину, а вот российская часть моста, причем гораздо более короткая, превратилась в долгострой.

Сейчас, уверяют российские власти, ситуация кардинально изменилась. За пять лет инвесторы вложили в экономику Дальнего Востока 612 млрд рублей, рассказал президент. Строятся мосты и трассы в Китай, открываются совместные предприятия, в регион приезжают все больше азиатских туристов. Товарооборот с Китаем вырос до \$100 млрд и, по планам правительства, должен удвоиться к 2024 году.

Однако на деле инвестировать в проблемный российский регион иностранные инвесторы не торопятся: здесь по-прежнему нет ни дорог, ни людей. Проблемы с инфраструктурой, плохая демография и бедность населения делают Дальний Восток малопривлекательным для иностранных фирм.

Социальная сфера Дальнего Востока тоже производит довольно депрессивное впечатление. Некоторые пункты из отчета вице-премьера Юрия Трутнева о достижениях правительства за 2018–2019 годы говорят сами за себя: проведен ремонт двух (!) объектов ЖКХ, приобретено 9 комплектов мобильных кочевых домов для оленеводческих бригад Чукотки...

Несмотря на традиционные отчеты о «рекордном количестве сделок», по-настоящему крупных контрактов на ВЭФ заключено не было. Это нормально, считает китаец Михаил Коростиков: невозможно каждый форум объявлять о мегапроектах, тем более что российский рынок сейчас находится не в лучшем состоянии.

ВЭФ изначально задумывался в качестве политической витрины, куда приезжает российский президент и за компанию берет с собой крупных предпринимателей. Иностранные гости отдыхают, гуляют по набережной, заходят в бары и едят шашлык из гребешков. В этом смысле ВЭФ мало отличается от других мероприятий с похожими аббревиатурами (ПМЭФ, МЭФ, до недавнего времени — КЭФ).

«Бизнесмены не принимают решение об инвестировании на основании

экономических форумов, они выбирают проекты примерно как бытовую технику в интернет-магазинах: сравнивая в табличном формате характеристики товара и читая отзывы на них», — уверен Коростиков.

Главной особенностью ВЭФ-2019 стало сжатие «китайской» повестки до нескольких небольших дискуссий. Если еще в прошлом году почетным гостем форума был председатель КНР Си Цзиньпин, то сейчас статус китайской делегации снизился сразу на несколько ступеней. Российско-китайское партнерство в основном обсуждалось в контексте Нового шелкового пути и транзитного потенциала Дальнего Востока как уникального транспортного коридора, соединяющего Европу и Азию.

Второй главной «китайской» темой стало сотрудничество в сфере сельского хозяйства. Китайские гости активно призывали российский бизнес заместить поставки американской сои, которая пала жертвой торговой войны с США («У вас есть большой хороший сосед, пользуйтесь этим», — упражнялся в русском языке Генеральный секретарь Китайской ассоциации развития предприятий за рубежом Хэ Чжэньвэй).

Кроме того, благодаря регулярным промоакциям с участием российского президента, «вирусным» товаром в Китае стало российское мороженое. Импорт «Коровки из Кореновки» в некоторые провинции ежегодно растет в несколько раз. Этот таинственный бренд, продук-

цией которого президент недавно угощал Эрдогана на авиасалоне МАКС, всюсю рекламировался на площадках ВЭФ.

Но в целом ставка в этом году была сделана на демонстрацию «многополярности» российской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, куда постепенно смещается эпицентр мировой экономики. Хедлайнером форума выступил президент Индии Нарендра Моди, начавший свою речь с признания в тесной дружбе с Владимиром Путиным.

Среди других высокопоставленных гостей были японский лидер Синдзо Абэ, который, по его словам, официально встречался с Путиным 27 раз и успел съесть с ним «пуд соли», премьер-министр одной из самых быстрорастущих экономик мира — Малайзии — Махатхир Мохамад и глава Монголии Халтмаагийн Баттулга («чемпион мира по самбо», удовлетворенно отметил Путин).

ВЭФ — это пиар-площадка для тех, кто плохо знает Дальний Восток. А китайцы к новичкам на российском рынке уже не относятся — на них и так приходится около 60% прямых иностранных инвестиций в регион. Поэтому такая ротация участников может иметь смысл.

Несмотря на всю торжественность форума, на втором месте по обсуждаемости в российских соцсетях (после буклетов с неправильным мостом) оказались не контракты, а «выездная приемная» Генеральной прокуратуры. Российские правоохранители организовали себе стенд на самом

видном месте кампуса Дальневосточного Федерального университета, где проходил форум. Любый ценитель российского инвестиционного климата мог пообщаться с улыбчивой девушкой в прокурорской форме, предлагавшей всем заинтересованным почитать «памятку инвестора».

О знаменитом российском инвестклимате крайне резко высказался Олег Дерипаска. Бизнесмен пропустил несколько запланированных секций, но все-таки появился на форуме и пожаловался на непрофессионализм российского корпуса судей, которые выносят «неадекватные решения».

Впрочем, министр юстиции Александр Коновалов с обвинениями не согласился. По его мнению, российская судебная система за последние годы заметно похорошела, а проблема с судейскими кадрами есть и во Франции.

Неудивительно, что при таком отношении к базовым экономическим институтам дальше формальных рукопожатий под камеры привлечение иностранных инвестиций не заходит. Экономический контракт в России считается надежным только в том случае, если при его заключении присутствовал лично Владимир Путин. Иностранцы, знакомые с российскими бизнес-практиками, давно усвоили это нехитрое правило.

Арнольд ХАЧАТУРОВ, «Новая»

СКАНДАЛ

С начала правящая коалиция консерваторов и ирландских юнионистов потеряла большинство. Затем оппозиция, объединенная угрозой Брексита без договора, что, по мнению всех, кроме тори, означает хаос, приняла законопроект, который запрещает выход Великобритании из Евросоюза без сделки.

Законопроект обязывает премьера до 19 октября получить одобрение парламента на Соглашение с ЕС. В противном случае глава кабинета должен просить ЕС о продлении срока Брексита до 31 января 2020 года. Если Брюссель предложит другую дату — уже парламент, а не правительство примет это решение.

Законопроект прошел все этапы в Палате общин в течение одного дня при поддержке объединенной оппозиции: лейбористов (кроме трех), либеральных демократов, депутатов от Шотландской национальной партии, «Плайд Чимру» Уэльса, зеленых, независимых, а также 22 «мятежников» в стане консерваторов, которые и решили дело.

Это был второй удар по премьеру в ответ на его решение о длительном (34 дня) отстранении парламента от работы (пророгация), которое Джонсон провел на прошлой неделе.

В Палате лордов ультрабрекситеры пытались заморозить законопроект поправками (их было внесено около 100), чтобы закон не успел получить королевского одобрения до пророгации. Однако вскоре стало ясно, что сорвать принятие закона не удастся, он выйдет из

Ужасная премьера

Начало деятельности Бориса Джонсона в парламенте в качестве премьера оказалось унижительным и неудачным

Верхней палаты к вечеру (к 17.00) в пятницу, а в понедельник будет представлен на королевское одобрение.

Борис Джонсон, который сделал безусловный выход из ЕС 31 октября главным вопросом своего премьерства («сделай или умри»), провел новую атаку на оппозицию. Он заявил, что парламент сорвал его переговоры с Евросоюзом о новых условиях выхода, поэтому народ теперь должен решить, кто прав, и внес предложение о внеочередных выборах.

Новоиспеченный премьер-министр с треском проиграл и это голосование. Объединенная оппозиция приняла решение вернуться к вопросу о назначении выборов после прохождения билля. Вопрос о выборах не набрал и половины голосов депутатов при необходимых двух третях.

После голосования Джонсон нутужно сдвигнул, что Корбин оказался «первым лидером оппозиции в демократической истории страны, отказавшимся от приглашения на выборы». Лидер же лейбористов Джереми

Корбин сравнил «приглашение» Джонсона с предложением «яблока Белоснежке от Злой Королевы, предлагающей яд бездоговорного Брексита».

Но оппозиция готовится к выборам — обсуждается выгодная дата, на которую можно было бы их назначить. «Проблема еще и в том, что... мы не можем быть уверены, что Борис Джонсон выполнит любое обещание или сделку, которые мы могли бы с ним заключить», — сказал Би-би-си теневой канцлер казначейства лейборист Джон Макдоннелл.

К слову о проблемах с доверием: представители Брюсселя официально заявили, что, несмотря на декларацию Джонсона, никаких переговоров о возможных новых параметрах Соглашения ЕС–Великобритания нет и что ЕС не получал никаких предложений от кабинета Джонсона.

Евгения ДИЛЛЕНДОРФ, «Новая»

Кирилл
МАРТЫНОВ
«Новая»

РИА Новости

Представьте нас заново

Сторонники Навального ищут выход из политического кризиса

неофициальная президентская кампания, наличие в его команде популярных политиков, таких как Любовь Соболь, и большой интерес граждан к медиапроектам и расследованиям Фонда борьбы с коррупцией. Тем не менее Навальный после 2013 года исключен из участия в официальной российской политике вместе со всеми своими потенциальными избирателями. Он не может баллотироваться лично из-за политически моти-

вированных уголовных дел, его партию не регистрируют, а его сторонников снимают с выборов. Пример Навального используется властями в качестве политического нравоучения для всех прочих недовольных. Мол, если хотите играть в политиков, сначала запишитесь на прием в администрацию президента и тогда у вас будет шанс.

Проект «умного голосования» в этом смысле представляет собой попытку

взлома авторитарной политической системы и возвращения представительства тем, кто был исключен из нее. Если в результате «умного голосования» спойлеры, выдвинутые на выборы для приличия, начнут систематически побеждать «согласованных кандидатов», это будет означать возвращение в политику исключенных из нее граждан. Если политика в России управляется в ручном режиме менторами из администрации президента, то Навальный предлагает играть в эту игру вдвоем и выставлять против согласованных кандидатов «умных антикандидатов». Идти на такие ухищрения было бы не нужно, если бы власти сегодня не боялись свободных выборов с участием оппозиции — хотя бы как в 2013 году.

Разумеется, главным выгодоприобретателем «умного голосования» в случае его успеха будет сам Навальный. Он дал своим сторонникам ясную инструкцию о том, что нужно делать, что всегда хорошо для массового избирателя. Зарегистрироваться здесь, получить информацию, проголосовать за самого сильного кандидата «против», наслаждаться результатами. Мы уже писали, что цель Навального заведомо выигрышная: разгромить в Москве «Единую Россию», которая формально вообще не представлена на этих выборах. Так что при любом исходе сторонники «умного голосования» смогут праздновать победу и утверждать, что их влияние на политический процесс в стране выросло.

Но, похоже, сегодня эти частные политические амбиции играют на руку обществу в целом. Потому что все хотят, чтобы власть наконец-то представляла интересы граждан, а не была закрытой придворной кастой.

А В ЭТО ВРЕМЯ

Немногочисленные зарегистрированные независимые кандидаты в Мосгордуму сталкиваются с беспрецедентным давлением. Особенно достается кандидатам от «Яблока»: Евгения Бунимовича при помощи фейковых выпусков газет обвиняют в педофилии, а о Сергее Митрохине в качестве оскорбления на стендах пишут «единоросс».

В 6-м избирательном округе на севере Москвы (куда входят районы Головинский, Левобережный, Ховрино и Западное Дегунино) ведется кампания «черного пиара», направленная против кандидата от «Яблока», уполномоченного по правам ребенка в Москве Евгения Бунимовича. Неизвестные сначала разрисовали краской лицо кандидата на агитационных плакатах, затем начали их рвать, а потом изготовили партию фейковых листовок якобы от имени самого Бунимовича. Листовки разложили по почтовым ящикам в подъездах. В тексте листовок, в частности, были следующие тезисы, якобы написанные от лица Бунимовича: «Я люблю детей, которым трудно; которые мучительно определяются со своей половой принадлежностью. Я люблю детей, которые с консервативной, устаревшей, сексистской точки зрения не вписываются в большинство. Детей-геев и детей-лесбиянок».

Бунимович неоднократно обращался в полицию, но до сих пор не получил от правоохранительных органов никакой реакции. Зампред партии «Яблока» Николай Рыбаков потребовал от МВД и ЦИК остановить кампанию против Бунимовича. Рыбаков, в частности, заявил: «Городская система видеонаблюдения позволяет раскрывать правонарушения по горячим следам, но создается устойчивое впечатление, что правоохранительные органы используют ее исключительно для привлечения к ответственности представителей оппозиции в связи с акциями протеста в городе Москве».

— Мы сами сдаем в полицию тех, кто распространяет листовки, но полиция не делает ничего, — рассказывает «Новой» Бунимович. — Людей нанимают втемную, через интернет — это бедные несчастные люди, которые уже готовы разбрасывать все что угодно, лишь бы какие-то деньги заработать.

Технологии 90-х вернулись

Против Бунимовича и Митрохина используют грязные приемы

Однако листовками дело не ограничилось. За несколько дней до выборов в почтовых ящиках вдруг обнаружили фейковые номера газеты «Наша версия». Номер состоит из четырех полос, и все они посвящены теме педофилии. У статей, например, такие заголовки: «Как сильно Бунимович любит детей» или «Известный психиатр Яков Адамовский анализирует риторику Бунимовича».

Владелец издательского дома «Наша Версия» Николай Зятьков рассказал «Новой», что газета не имеет никакого отношения к этому выпуску и уже обратилась в полицию: «Это подлый шаг — использовать наш бренд и наше имя в таких целях. Раньше такие избирательные технологии использовались в 90-е. Вроде сейчас от этого отошли, но опять кому-то не нравится. Ясно, что [за этим стоят] какие-то недоброжелатели Бунимовича и, возможно, конкуренты, которые с ним в одном округе собираются избираться».

« Смешно, что меня назвали единороссом. Но еще смешнее, что для провластных политтехнологов слово «единоросс» — это оскорбление »

— Я с самого начала понимал, что будет такая [непростая] кампания, — говорит Бунимович. — Но все-таки такого не ожидал. Мы в Москве все же находимся, и мэр заявил, что взял выборы под личный контроль. У меня простая версия: в округе обычный расклад — есть кандидат, поддержанный «Единой Россией», и есть другой человек. Город знает хорошо меня, мою репутацию, работу.

По словам Бунимовича, жители воспринимают такие методы «устранения» конкурентов на выборах, как знак. Что именно за них и надо голосовать: «Мне показали фотографию, в одном поезде было написано «Внимание: фальшак» и подпись известного профессора, ученого, который обращается к своим соседям».

С порчей агитации столкнулся еще один кандидат от партии «Яблоко» Сергей Митрохин — его агитационные щиты расписали, в том числе словом «единоросс». «Это, конечно, смешно, что меня назвали единороссом, — рассказывает Сергей Митрохин «Новой». — Но еще смешнее, что для провластных политтехнологов слово «единоросс» — это оскорбление». По словам Митрохина, его агитационные плакаты срывают сразу в трех районах: Пресня, Арбат и Хамовники. Мы спрашиваем тех, кто срывает: «Кто поручил?» Они отвечают: «Начальник сказал». Мы уже обращались в прокуратуру, МГИК — как и всегда, никакой реакции.

Татьяна ВАСИЛЬЧУК, «Новая»

Три стратегии

Что делать 8 сентября

Юлия
ЛАТЫНИНА
обозреватель
«Новой»

До того как Мосгоризбирком снял с выборов кандидатов оппозиции, у избирателей, которых они представляли, не было вопроса о том, как голосовать на выборах. Понятно как.

В условиях, когда эти кандидаты сняты, встал вопрос: за кого голосовать, если кандидаты, которые тебя представляют, сняты с выборов. И вопрос этот стал перед значительной частью москвичей, потому что если бы Соболь и Яшин представляли незначительную часть избирателей, то их бы на выборы пустили.

В результате обрисовалось три стратегии.

Сразу скажу, то, что их три и что их приверженцы спорят между собой, — это нормально. Жесткая конкуренция внутри партии — это и есть признак демократии. В этом смысле люди, которые говорят «ну вот опять оппозиция начала грызться между собой», не понимают сути демократического процесса.

Итак, первая стратегия — эмоциональная. «Если у вас на участке есть приличный кандидат, проголосуйте за него, а если нет, то испортите бюллетень или не приходите на выборы». Проблема с этой стратегией в том, что власти, в общем, того и надо — чтобы не пришли на выборы. Что же касается испорченного бюллетеня — то его имеет смысл рвать, если 100% избирателей округа номер 43, например, придут на выборы и 90% из них напишут в бюллетене «Любовь Соболь». Вот тогда это была бы да, серьезная фигура. А в условиях, когда испорченных бюллетеней будет заведомо мало, такой бюллетень ничем не отличается просто от неприхода.

«Если Касамара и Чемезов даже просто выскажутся против дутого дела о «массовых беспорядках», то организаторы этого дела уже проиграли»

Второй ответ — Навального. Умное голосование. Навальный советует очень просто: есть кандидат от «Единой России» и есть табуретка. Если вы хотите проголосовать против «Единой России», проголосуйте за табуретку. Вот возьмем ситуацию в Питере. Там есть Беглов, и есть два статиста. Что воспримет власть как большее поражение? Если у Беглова будет какое-то количество испорченных бюллетеней или если победит статист? Ответ: второе. Значит, голосуем за статиста.

Этот метод хорош тем, что его придумал не Навальный. Его — стихийно — придумал сам избиратель и опробовал в Хакасии и Приморье. Избиратель прекрасно понимает, что потом статиста перекупят или он сольется. Не важно: при таком подходе выборы превращаются в референдум против «Единой России», избиратель голосует не «за», он голосует «против».

И, наконец, есть третья позиция, которую предложил Михаил Ходорковский и которую почему-то начали путать с первой. Позиция Ходорковского — вовсе не в том, чтобы голосовать за приличного кандидата или рвать бюллетени. Она в следующем.

Ок, у оппозиции нет хороших ходов. Если избиратель, которого лишили кандидата, не придет на выборы, то выиграет «Единая Россия». А если он придет и проголосует за коммунистов, то он тем самым просто поможет им заработать бабки и повысить себе цену.

И Ходорковский говорит: да, это можно делать. Но с этой свиньи надо попытаться настричь шерсти. Можно слить эти выборы в пользу какой-то из политических сил, в том числе и неприличной. Но в обмен надо потребовать от нее признания четкой позиции по политическим репрессиям и по политическим заключенным.

Одобрят данный, конкретный кандидат дело «о массовых беспорядках» и расскажет о «кознях госдепа» — не голосуем за него. Говорит, что массовых беспорядков не было, — голосуем.

Еще раз. Речь идет не о сопливых всхлипах: ой, давайте испортим бюллетень и выставим его в фейсбуке. Такие тоже есть.

Речь идет о двух политтехнологических позициях. Позиция Навального — вынести вотум недоверия власти. Она позволяет Навальному оседлать существующую тенденцию и приписать будущую победу коммунистов на выборах в Мосгордуму себе.

Список кандидатов, которые высказались против репрессий, выставленный Ходорковским, — ход более политтехнологически продвинутой. Фактически это попытка остановить маховик раскручивающегося безумного процесса.

Надавить на статистов и «табуреток» с тем, чтобы значительная их часть с целью повысить свою стоимость заявила, что массовых беспорядков не было.

Что, в свою очередь, окажет важное влияние на существующий политический климат. Потому что даже если Чемезов, близкий к Путину, говорит, что массовых беспорядков не было, зачем же голосовать за крокодилов, которые говорят, что они были?

Вы скажете: а что если после этого выступит Валерия Касамара и будет не просто защищать своего студента Егора Жукова, как она это сейчас делает, а громко скажет, что никаких «массовых беспорядков» не было? Голосовать тогда за Касамару, которая на самом деле идет от партии власти и ради которой револьверят в кутузке Яшина, или не голосовать?

Ответ: не знаю, но если Касамара это скажет, то Ходорковский уже победил.

Потому что если Касамара и Чемезов даже просто выскажутся против дутого дела о «массовых беспорядках», то организаторы этого дела уже проиграли.

Влад ДОКШИН — «Новая»

Власть слышит только

Поэтому споры о технологиях — не повод для конфликта и раскола

улицу

Печально, когда представители оппозиции используют те же методы, что и пропагандист Владимир Соловьев. А именно это происходит с Алексеем Навальным. Настолько поразительная трансформация и овладение методами кремлевской пропаганды, что не поймешь, где Соловьев, а где — Навальный.

Алексей Навальный настолько желает раскола (впрочем, не в первый раз) в объединившейся оппозиции, что опустился до откровенной лжи в отношении Ходорковского. Настолько мелкой и глупой, что можно было бы не заметить или посмеяться. На голубом глазу Навальный пишет пост о том, что на сайте Ходорковского, посвященном кандидатам на выборах в Мосгордуму, нет информации о некоем Магомате Яндиеве, которого поддерживает сам Алексей. Информация была и есть с самого начала — вот она, кстати: бывший министр экономического развития Ингушетии служил в ВДВ, пишет для «Российской газеты»

Ну да бог с ним. Можно было бы и пропустить. Если бы не цели и результат, к которому приводят действия Навального, добивающегося с поразительным упорством раскола там, где к этому нет никакого повода. Навальный дает директивы — за кого голосовать. На сайте Ходорковского представлена информация обо всех кандидатах. Он не рассчитан на людей, встающих в строй. Он — справочник о кандидатах, которые отсортированы по одному критерию — их отношению к репрессиям. Он для тех, кто сам принимает решение и хочет сделать это осознанно. И если вы собрались голосовать по УГ, то этот сайт позволяет посмотреть, за кого именно, а не делать это вслепую. И если отбросить спор о подходах к голосованию, а смотреть только на результат, то и здесь нет почвы для конфликта. Из 45 округов в 30 те кандидаты, которые получили поддержку через УГ, на сайте Ходорковского указаны как люди, выступающие против репрессий и осуждающие решение Мосгоризбиркома о недопуске независимых кандидатов. Никаких противоречий!

Где возможны споры. На уровне обмена аргументами, дискуссии умных людей, а не потока личных оскорблений, приправленных подростковым враньем. Вранье про поддержку Ходорковским Валерии Касамары из ВШЭ. Умный человек в состоянии увидеть, что никакой

поддержки нет, достаточно зайти на сайт. В 15 округах УГ рекомендует кандидатов, чья позиция в отношении репрессий или не определена, или же в биографии кандидатов есть сомнительные моменты. И это право людей, желающих принимать активное участие в судьбе своего города, знать, за кого будет отдан их голос. И помощь в этом — сайт Ходорковского. Защитник Сталина (Петр Звягинцев), сотрудник академии ФСБ (Илья Лифанцев), бывший сотрудник управления делами президента (Сергей Савостьянов) — вы готовы отдать за них

«Власть слышит только одно — улицу. И только продолжение протеста поможет выручить ребят»

свой голос? Ваше право. Концепция УГ — безальтернативная. Ходорковский предлагает альтернативу — портить бюллетени.

Я сам — за бойкот, мне близки политические взгляды Каспарова. Но моя основная позиция: споры о технологиях — не повод для конфликта и раскола. Раскол в оппозиции — это именно то, что сейчас больше всего нужно власти. Гораздо больше, чем результаты выборов в Мосгордуму. Конфликт, раскол и слив протеста. И именно поэтому провокации, ведущие к этой цели, — чрезвычайно вредны. И главное. Нельзя забывать о тех людях, которые стали политзаключенными — получили чудовищные приговоры без каких-либо оснований или же ждут своей участи. Власть слышит только одно — улицу. И только продолжение протеста, рост его масштаба поможет выручить ребят.

Леонид НЕВЗЛИН,
для «Новой»

«Говорим о политике, только вместо партии — силловики»

Как
«Медиазона»
за пять лет
существования
превратилась
в главного
хроникера
репрессий
в России

4 сентября онлайн-изданию «Медиазона» исполнилось 5 лет. Основанный как сайт, освещающий судебную тематику, работу правоохранительных органов и хроники тюрем, в 2019 году ресурс под управлением Сергея Смирнова на глазах превратился в политическое СМИ. «Медиазона» пишет об акциях протеста, судах над политиками и ключевых событиях избирательных кампаний. По-другому и быть не могло, объясняют в интервью «Новой» главный редактор Сергей СМЕРНОВ и журналист Егор СКОВОРОДА: политики и силовики в России окончательно растворились друг в друге.

«Нажимаешь на солнышко — оно закрывается решеткой»

— Вы до сих пор считаете себя нишевым изданием?

Егор Сковорода: В этом как раз и проблема: мы хотим перестать себя таковым считать, но мы заложники этой ниши в смысле восприятия нас аудиторией. Поэтому нам тяжело расширять повестку.

— Разве ситуация в России не изменилась настолько, что вашей нишей стало в итоге все происходящее в стране?

Сергей Смирнов: С одной стороны — да, но с другой — наша личная проблема в том, что к нам на сайт люди заходят не для того, чтобы увидеть картину дня, а это важный момент для любого ресурса, который считает себя общественно-политическим. Что чувствуют читатели, когда открывают «Медиазону»? «Сейчас я прочитаю про очередной ад!» Так себе позиционирование с точки зрения массового издания.

Е. С.: Хочется добавить больше текстов, в которых этого ада нет, а есть что-то...

С. С.: Позитивное... Давайте сделаем позитивную заметку о том, как мента посадили!

— Вспомните хоть одну «позитивную заметку» за пять лет существования ресурса.

Е. С.: Был очень веселый текст о том, как шутят следователи.

С. С. (хохочет): Нет, бывают приятные вещи на сайте. На моей памяти один из самых лучших моментов был, когда оправдали людей по «высотному делу» (четыре

бейсджамперов и одного ругера обвиняли в вандализме и хулиганстве: по версии следствия, в августе 2014 года они покрасили звезду на шпиле сталинской высотки в Москве в цвета флага Украины — В. П.). Или когда Ивана Голунова отпустили под домашний арест, и стало понятно, что дело развалится.

Е. С.: Очень хочется добавить больше историй не только про ад, но и о какой-то картине дня. Условно говоря, про Россию, о которой мы что-то еще не знаем.

С. С.: Нам нужна другая Россия, в общем. Но это сложно реализовать, потому что нашим журналистам и редакторам сложно выйти из туннельного мышления.

— Откровенно говоря, сложно представить хорошие новости на вашем ресурсе. Чтобы на кнопку в виде солнышка нажимаешь — и позитив сразу.

С. С.: Нажимаешь на солнышко — и оно закрывается решеткой.

Репрессии от «Ф» до «Ф»

— Пять лет назад «Медиазона» запущалась с тезисом, что вся политика сейчас

будет происходить в судах и в уголовных делах. В 2019 году нужна какая-то корректировка этого утверждения?

Е. С.: Так оно в итоге и вышло. Когда мы это утверждали, имели в виду, что будут суды по модели «болотного дела», по акциям протеста, дела в отношении Навального и тому подобное. Но все оказалось шире: политика в смысле внутриэлитной грызни тоже пошла в суды: сначала это были процессы над Никитой Белых и Алексеем Улюкаевым, а теперь вообще в судах все подряд — Абызов, братья Магомедовы... Потом суды накрыли силовиков — начиная с [генерала Дениса] Сугробова и заканчивая сейчас процессами над фээсбэшниками. В конечном счете, даже то, что считается выборами, тоже уткнуло в суд.

С. С.: В России политика всегда строилась вокруг уголовных дел и судов. Состязательной политики не было никогда, власть говорила со своими оппонентами преимущественно языком уголовного права.

С. С.: В целом это классика еще со времен декабристов — со всей оппозицией говорить только через дела и суды. А почему так происходит? Потому что у России никогда не было свободного парламента, до сих пор нет культуры публичной дискуссии. Даже если считать оппозиционным парламент при Ельцине, его полномочия все равно были сильно усечены. Отсюда и привычка разговаривать с оппонентами с позиции силы, и поэтому у нас никогда власть от одного лагеря к другому мирным путем не переходила.

— Если политика плотно осела в судах, значит ли это, что сами суды, МВД, СК и другие репрессивные структуры стали

полноценными политическими акторами, которые влияют на повестку?

С. С.: Безусловно, да. ФСБ — крупнейший игрок с точки зрения влияния на политическую ситуацию в стране. СК чуть пониже, но тоже обладает ресурсом; он пытался усилиться, но несколько потерял свое влияние.

Е. С.: А вот суды, скорее, нет: они настолько низведены в своем статусе, что ни на что не влияют.

С. С.: С судами другая история: формально они независимы, но в реальности являются исполнительной частью силовой системы. Суды полностью управляемы, хотя и считают, что являются самостоятельной структурой. Корпорация у них есть, но основное управление внешнее — со стороны политических органов страны. Мы это видим хотя бы по статистике обвинительных приговоров — больше 99%. Это подчеркивает, что суды все-таки важная часть в карательном механизме.

Е. С.: По сути, суды занимаются легитимизацией решений, принятых на другом уровне. Они лишь определяют размер наказания.

— И то не всегда у них есть такое право.

С. С.: Совсем недооценивать суды тоже нельзя. В рамках определенной парадигмы у них есть какие-то возможности. По политическим делам у судов есть право добавить или убавить к сроку год-два. Иногда дело доходит до условного срока, но это редкость, все зависит от изначальных установок. Вот в Москве есть негласное правило: за уличные акции давать всегда реальный срок — тут судья уже ничего не может сделать.

Вне Москвы ситуация с судами тоже разная: где-то есть более независимые, где-то еще более управляемые. Это вообще миф, что в России все одинаково. Все силовые структуры работают порозному в зависимости от региона. Это иная форма федерализма, который себя в ближайшее время еще проявит. В качестве примера можно привести Ингушетию, где этот федерализм проявился и его смогли подавить только внешними силами из Москвы, поскольку своего ресурса у местной власти не хватило. Ситуация во многих регионах, как мне кажется, близка к ингушской.

« В России политика всегда строилась вокруг судов. Состязательной политики не было никогда, власть говорила со своими оппонентами преимущественно языком уголовного права »

Егор Сковорода
и Сергей Смирнов

— Можно выстроить лесенку — от самого репрессивного до самого лояльного к окружающей среде силового ведомства?

С. С.: самого слабого, я бы сказал.

Е. С.: Самая слабая и бессмысленная, видимо, прокуратура.

С. С.: Да нет, скорее, ФСИН.

Е. С.: Пожалуй. Если не иметь в виду какую-нибудь службу судебных приставов, которую в расчет вообще никто не берет, то это градация от «Ф» до «Ф». Сильнее всех ФСБ, потом СК, который слегка сильнее МВД, у которого после дела Сугробова мало какое влияние осталось. Далее — прокуратура и ФСИН.

С. С.: И по полиции продолжают наносить удар за ударом, даже Росгвардию отняли. Кстати, Росгвардия еще!

Е. С.: Росгвардия — интересный игрок, она стоит немного в стороне, но достаточно сильная, во многом за счет фигуры Золотова. По уровню силы она где-то рядом с СК находится.

С. С.: Вообще поразительно: мы продолжаем говорить о политике в России, только вместо партий у нас названия силовых структур. Это к вопросу о том, почему «Медиазона» — политическое издание.

«Как есть, так и напишем»

— Как все эти структуры относятся к вам?

С. С.: Если бы хотели нас забить — давно бы забili.

— Наверняка есть какая-то коммуникация с вами хотя бы на низовом уровне.

Е. С.: На низовом уровне к нам относятся с интересом. Части людей в погонах и мантиях интересно, что и как о них пишут. Вот у нас Давид Френкель из Питера недавно встретился в суде с одним сотрудником ФСБ, тот сказал: вот в паре материалов все, конечно, было не так, как вы пишете, но в целом мне все нравится.

С. С.: У нас была смешная история с Димой Швецом. Он ходил в Мосгорсуд по одному совершенно непубличному и долговому делу. Потом написал материал, в котором есть позиция обвинения и позиция защиты, но мы через эти слова и документы показали, что следствие, видимо, очень плохо сработало и сва-

Наша цель — влиять на систему, чтобы никто не уходил от ответственности, чтобы власть и суды были подотчетны обществу, чтобы закон работал

лило всех обвиняемых в одну кучу без разбора. Через три недели Швец пошел в Мосгорсуд и в коридоре встретил судью по этому делу. Судья подошел к Диме и говорит: «Читал вашу заметку. Неплохая. Немного растянута». Повернулся и пошел дальше.

Мы, как правило, не даем своих оценок происходящему, потому что и так все понятно из слов и документов.

— Как часто возникает соблазн не останавливаться на объективных фактах, а добавить от себя: «Ребята, вы вообще охренели!»?

Е. С.: Для этого есть наши соцсети, где так или иначе все скатываются к личным оценкам. Для чего-то среднего есть наш телеграм-канал, куда мы просим наших авторов иногда писать какие-то «телеги» — в том числе о наплевшем. А на сайте это зачем? Ты даешь пищу для разных реакций — а дальше кто как поймет уже.

— При этом вы ведь все равно симпатизируете строго определенному лагерю. Например, известно, что вы хорошо относитесь к ФБК, и есть ощущение, что, случись с их стороны какой-то «косяк», вы вряд ли напишете о них плохо.

С. С.: Что значит «не напишем плохо»? Если они «накосячат» и сделают это в зале суда, — как мы сможем этого избежать?

Е. С.: У ФБК был довольно кривой иск к Усманову, у людей Навального была не суперубедительная позиция в суде — как есть, так и пишем.

С. С.: Мы выбрали такой формат, внутри которого невозможно ничего замолчать. Вот сейчас идет уголовное дело против ФБК. Мы же читаем сайт Следственного комитета, и если там бу-

дут описаны подробные доказательства, как мы сможем о них промолчать?

«Никто ничего не трогает, чтобы совсем не развалилось»

— Создается впечатление, что суды превращаются в часть повседневной медиакультуры — в том числе благодаря вам. Вы ведете сразу шесть онлайн, хотя другие редакции сделали бы три или вообще только новостями бы дали рассказ о судах. У вас даже появилась афиша предстоящих судов, которая...

С. С.: ...которая бред какой-то! (смеется).

— Да нет, хороший авангардный ход. Я имею в виду, что все похоже на какую-то профессиональную деформацию, когда вы всё в России рассматриваете исключительно через призму судов.

Е. С.: Отчасти, но это не наша деформация, а всей окружающей действительности. Мы бы и рады перестроиться, но всех снова загоняют в зал судебных заседаний.

— Вы намерены открыть «Медиазону» в Центральной Азии. Вам что, России мало?

Е. С. и С. С. (хором): Мало!

С. С.: Нам кажется, что «Медиазона» — это сайт про акцентирование внимания на несправедливости при соприкосновении обычного человека с карательной государственной машиной. И эта несправедливость — она на постсоветском пространстве много где присутствует. Все это требует подроб-

ного описания, и, если есть возможность, хочется распространить свой опыт на другие страны.

— Нет ощущения, что истории обычных людей ушли из «Медиазоны», поскольку вы очень много занимаетесь крупными делами теперь? Да, Жуков, Котов, Коваленко, Беглец — это обычные люди, но внутри крупного дела, а акцентирование на конкретных историях стало пропадать.

Е. С.: Да нет, мы пишем про них и дальше. Возможно, прямо сейчас мы это делаем меньше, но как только события в Москве перестанут быть острыми, снова начнем писать больше — в том числе и про истории в регионах.

С. С.: Надо понимать, что про «московское дело» мы пишем во многом в ущерб тому же трафику, но в данном случае мы приняли такое решение в рамках редакционной политики, поскольку считаем все происходящее очень важной историей. Но будем обязательно писать дальше: нам важно писать о судебной системе во всех ее проявлениях, поскольку это единственный способ на нее повлиять хотя бы в будущем — фиксировать все происходящее. Так жить нельзя, надо что-то менять, все это понимают, просто не трогают ничего, чтобы совсем не развалилось. Наша цель — влиять на систему, чтобы никто не уходил от ответственности, чтобы власть и суды были подотчетны обществу, чтобы закон работал. Закон, написанный для удобства власти и силовиков, в итоге сейчас все равно не работает. Я бы хотел, чтобы мы повлияли на происходящее так, чтобы в будущем мой ребенок жил в более правовом государстве, извините за странную формулировку.

— В таком государстве, где «Медиазона» не нужна.

С. С.: Конечно. Я вообще не думаю, что мы потеряем работу, если у нас в один день станет все хорошо.

«То, что происходит со следователями и прокурорами, — катастрофа»

— Почему вы убрали новости вроде «Житель Самарской области избил собутельника за громкие анекдоты, бросил его в Волгу и не давал выйти из реки, пока тот не умер»? Верните их!

Е. С.: Мы не совсем их купировали на сайте, но нам показалось, что в какой-то момент «перечернули». Совсем от них мы не отказались, но градус решили понизить.

— Была за 5 лет какая-нибудь новость, которая повергла вас в ступор, выбила из колеи? Чтобы вы схватились за голову и сами себе задали вопрос: «Как вообще такое возможно?»

С. С.: Мне кажется, я уже давно так не делаю. Я бы переформулировал: хватаешься за голову не от нежелания жить после новостей, а от офигевания, насколько Россия крутая во всех своих проявлениях. Одна из таких историй, когда фээсбэшники пытаются ментов. Или «эшник» забирает опера с допроса и тоже везет пытать. Как вот к этому относиться? Я рассказываю это еще вот почему: мы считаем, что произвол происходит исключительно в отношении гражданского общества и оппозиции. Но это не так! Пытают людей, которых, с точки зрения ментов, можно пытать. Это еще одна наша задача, кстати: сделать так, чтобы жизнь и беды этих людей не остались незамеченными.

— Мы видим, что реакция с обратной стороны все чаще похожа на идиотизм, издевку или неумный троллинг. Яшина сажают пять раз, по «московскому делу» задерживают тех, кто вообще ничего не делал. Система таким образом мстит или она просто деградировала?

С. С.: Оба варианта верны. Мне кажется, это происходит так: начальство выдает приказы, что «их» надо проучить, а на низовом уровне остались исполнители очень плохого качества. Это катастрофа — то, что у нас происходит со следователями и прокурорами. В суды стоит ходить хотя бы ради того, чтобы посмотреть, как они там работают. Это ужасно.

Лучше всего этот тезис иллюстрирует разрыв в процентах оправдательных приговоров в обычных судах и судах присяжных. В прошлом году суд присяжных вынес 27% оправдательных приговоров.

Е. С.: И это притом, что в судах присяжных прокуратура играет более грязно.

С. С.: Страшно то, что иногда смотришь на обвиняемых и понимаешь, что они виновны. Но ни прокуратура, ни следствие не могут выиграть в состязательном суде. Четверть оправдательных приговоров говорит о тотальном кризисе системы.

Но, кстати. Мы говорим о плохом, хотя расширение полномочий суда присяжных — это явное улучшение, как и декриминализация 282-й статьи, неприменение «дадинской» статьи (сейчас снова начали). В дальнейшем, я думаю, будут пересматривать и 228-ю статью, поскольку она написана чудовищно. Вряд ли в этом всем есть наша заслуга, но, с другой стороны, когда ты постоянно подчеркиваешь абсурдность происходящего, все больше людей начинают понимать, что пора уже что-то менять.

Вячеслав ПОЛОВИНКО,
Фото Виктории ОДИССОНОВОЙ,
«Новая»

После Страсбурга

Ночи с 1 по 3 сентября 2019 года сестры Элла Кесаева и Эмма Бетрзова провели дома, а раньше всегда оставались в школе. Теперь женщины опасаются заходить в школу после наступления темноты: «После 2016 года (тогда пятеро женщин из «Голоса Беслана» пришли в школу в футболках с надписью, обвиняющей Путина в трагедии Беслана. Женщин задержали, трех приговорили к 20 часам общественных работ, двух — к штрафам в 20 тысяч рублей. — Е. Р.) невозможно там находиться, — говорит Элла. — Раньше они — не полицейские, а сотрудники, мы их на лицо знаем — еще этику поведения соблюдали. А теперь мы боимся, что в темноте на нас могут натравить каких-то сумасшедших, так уже было. В 17–18-м интереса к бесланской теме не было, журналисты не приезжали, и сотрудники совсем обнаглели. Я год назад в школе хотела что-то достать из сумки — меня сразу схватили и обыскали, думали, достаю плакат. В этом году я в сумку даже и не лезла, но они за нами все равно шлейфом по школе 1 сентября шли».

Руслан Бетрзов, муж Эммы, был первым, кого террористы застрелили в спортзале. Их сыновья Алан и Аслан тоже погибли. Дочка Эллы Кесаевой Зарина спаслась, и теперь уже ее дочь, черноглазая красавица Амина, носит по дому вместе с пухлым смешным Сережкой, приемным сыном Эммы.

В этот раз устраивать акции женщины не стали. За последний год ситуация сдвинулась: «После победы в Страсбурге доверие потерпевших к нам усилилось. Власти начали нас бояться. Правда на нашей стороне, и решение ЕСПЧ это показывает. Конечно, если бы мы выиграли и промолчали — может, ничего бы и не было. Но мы же не молчим».

Эмма извиняется и выходит: время вечерней дойки. Сестры разводят коров и коз, продают молоко, мороженое и сыр, все остальное время занимаются иском в Страсбурге. На книжном стеллаже в кабинете «Голоса» — картонные папки от пола до потолка.

В апреле 2017 года решение Европейского суда по правам человека признать российское государство виновным в нарушении права заложников на жизнь встрянуло Беслан. Страсбургский суд установил, что российские власти, зная о готовящемся теракте, не смогли предотвратить его, не организовали спасение людей и не использовали все возможности, чтобы освободить заложников. Это решение положило конец 13 годам споров бесланцев. На следующий день после решения ЕСПЧ к воротам сестер рядом с их магазином «Козье молоко» выстроилась очередь потерпевших, которые тоже хотели подать иск. Новый, от 297 заявителей, ушел в Страсбург 30 апреля. В прошлом решении ЕСПЧ потерпевшим было сказано, что власти России нарушили право граждан на жизнь, но не нарушили право на расследование. В этом иске заявители доказывают, что надлежащего расследования Россия не провела. Когда документы от новых 297 заявителей в Страсбург ушли, в «Голос Беслана» обратились еще 30 человек.

Элла сажает нас за стол, режет три пирога. Разливает лимонад, хочет произнести тост — но в итоге выпивает, не чокаясь.

В этом году «Голос Беслана» добился еще одной цели: строительства детской площадки и установки мемориального камня на пустыре прямо напротив школы. Элла посчитала, что раньше туда приходили играть в футбол 26 погибших в теракте мальчиков. «Это наша вторая победа после Страсбурга», — говорит Элла.

Мы приходим на площадку 2 сентября. Там еще устанавливают подсветку, метут венниками тротуарную плитку. Местные мальчишки убирают камни с будущего газона, сами залезают в тачку с камнями, с воплями несутся вниз с холма. Звонко ударяются камни о тачку, звонко разносятся голоса детей.

Римма Бетрзова, сестра Руслана, убитого мужа Эммы, подходит бесшумно, садится на новую скамью, смотрит на детей. 15 лет назад ее племянникам Алану и Аслану было 16 и 12.

— 31 и 27, — говорит Римма, словно про живых. — У них бы уже были жены, дети... Все их ровесники женятся, на свадьбы зовут. По нашим традициям на свадьбу как не идти? А что мне на свадьбах делать? Плакать? Я не могу.

Город детства

Днем 1 сентября в бесланском Дворце культуры проходит официальная пресс-конференция Комитета «Матери Беслана». Кроме пострадавших, на нее собираются государственные чиновники и главы других организаций жертв терактов: «Норд-Ост», «Волга-Дон», «Рейс 9268». Пресс-конференция продолжается несколько часов, обсуждаются на ней две главные темы: как обратиться к властям с проектом закона «О статусе жертв террористических актов» и как создать Всероссийскую Ассоциацию пострадавших в терактах. Второе предложение член комитета Анета Гадиева сформулировала так: «Именно такой формат дает возможность решать вопросы наиболее эффективно».

Жалобу в ЕСПЧ и расследование теракта упоминают мельком. Обсуждают, что у комитета еще остались путевки для потерпевших: «Это говорит о том, что Министерство труда и социального развития делает свою работу». Что в этом году в вузы поступили 58 бывших заложников. Благодаря льготам для жертв Беслана у них есть «возможность получить образование и потом достойно продолжать свою жизнь». Затем мэр Беслана Станислав Дзедобоев поприветствовал гостей из других организаций и призвал их приезжать не только в дни траура, но и на открытие, например, спорткомплекса.

Раньше Комитет «Матери Беслана» и «Голос Беслана» были одной организацией. Потом из-за разных взглядов на методы и цели работы они разошлись.

«Человек, который меня спас, не мог в меня стрелять»

В 2012 году нечетную сторону улицы Коминтерна за школой переименовали в «Улицу героев ЦСН» (Центра специального назначения ФСБ). Жертвы теракта узнали о переименовании, когда таблички уже висели, возмутились и потребовали слово «ЦСН» из названия убрать. Теперь на синих табличках видны очертания неряшливо оторванных белых букв. Отношение к десяти погибшим спецназовцам и к сохранению памяти о них расколото город не меньше, чем иск в ЕСПЧ. Одни пострадавшие уверены, что в школе погибли герои. «Если они

герои, то кто те, кто стрелял с крыш по школе?» — спрашивают другие.

Первые 11 лет новая школа, построенная сразу после теракта, официально называлась так: «ГБОУ СОШ г. Беслана по ул. Коминтерна, 130». Но в 2016 году ее переименовали. Теперь она называется «Школа № 1 им. Героев спецназа ЦСН ФСБ РФ».

Изображения погибших спецназовцев я встречаю в школе шесть раз. Кроме того, каждый класс школы назван в честь одного из Героев России, все ученики носят бейджи с их именами (к примеру, учеников класса имени майора Андрея Велько

Бесланской трагедии 15 лет. Как уживаются с терактом те, кто винит государство в штурме школы, и те, кто благодарен силовикам

«После я не хожу

ласково называют «вельчата»), а после выпуска торжественно передают это имя следующему классу. В школе постоянно устраивают встречи с семьями погибших спецназовцев, их живыми коллегами и ветеранами локальных войн, проводят уроки патриотического воспитания и даже открыли класс юнармейцев — пока только один. В Знаменном зале школы посреди флагов различных родов войск я обнаруживаю огромный флаг Сирии. В 2015-м ученикам школы предложили написать письмо русскому солдату на сирийской земле. В благодарность за письма солдаты прислали флаг.

Важно заметить: после теракта в новую школу перешли практически все учителя

и ученики, учившиеся в старой. До сих пор там около 20 педагогов старой школы, включая директора. Многие сами были жертвами.

Учитель истории Надежда Ильинична — одна из тех заложниц, кто не верит, что по школе стреляли снаружи. «Если б из огнемета били отсюда сюда, — Гуриева показывает спортивный зал на картонной модели школы, — я бы здесь не стояла. Посмотрите на окна спортзала: фрамуги все выбиты наружу. Если бы стреляли по школе, они бы выпали внутрь. Террористы стреляли по потолку, чтобы нас успокоить. Там висели мины. Одна взорвалась».

Мы стоим посреди Зала памяти — школьного музея, посвященного теракту. Вокруг — простреленная доска из старого кабинета истории, разбитая ваза из кабинета директора, манекен в шлеме одного из погибших спецназовцев и в форме другого...

«Мы все хотим знать правду, — говорит Надежда Ильинична. — Но я никогда не пойду громить здание суда. Я не понимаю... Мне не нужен европейский суд, чтобы разобраться с делами нашей страны. Чужой дядя не будет разбираться, что у нас происходит. Он будет искать, как использовать это против нас».

Надежда Ильинична признает, что название школы вызывает у жителей Беслана вопросы. Но главный — не в упоминании ЦСН, а в номере один.

— Мне матери говорят: если это первая школа, то где мой ребенок? А я им: это первая школа. А твой ребенок — там же, где и мои два...

Первого сентября 2004 года Надежда Ильинична пришла в школу № 1 с 15-летним Борей, 12-летней Верой и 7-летней Ирой. Старшие дети должны были танце-

Лариса Кудзиева

Ира и Надежда Гуриева
в Зале памяти школы №1

БЕСЛАНА на свадьбе»

вать праздничный танец на школьной линейке и спешили переодеться. По остаткам бального платья Веру и опознали. Боря горел меньше. Надежда Ильинична говорит, что лицо у него было спокойное — не такое, как у тех, кто заживо сгорел.

Теперь 22-летняя Ира снимает с крючка Верину школьную форму, оставшуюся тогда в классе, показывает дырки от пуль — частые и мелкие, как кружева. Я спрашиваю, каково ей держать форму в руках. «Это часть нашего прошлого. Оно никуда не уйдет».

В классе Иры погибли четверо. Теперь у многих одноклассников уже дети, многие уехали.

— По возможности люди уезжают. Многие идут учиться в медицинский, в МЧС, в силовые какие-то вещи... Некоторые не берут: травмы и все такое. Сын Дмитрия Разумовского (полковника «Вымпела», погибшего в Беслане. — Е. Р.) хотел поступить в спецназ, но его не взяли, психолог сказал: ты будешь мстить.

Ира заканчивает магистратуру Московского городского педагогического университета.

— Я когда первый год уехала, поступила в институт, думаю: надо 1 сентября себя как-то отвлечь. Пришла на пару... Это самое ужасное, что я могла сделать. Никто не понимал, что со мной происходит, а я просто не могу... Потом, когда не было возможности прилетать домой, я приехала в Москве на Николо-Архангельское кладбище, где похоронены спецназовцы, и сидела. А сейчас решила, что поеду домой. Мне надо быть тут и как будто заново это пережить.

В последние годы Ира начала много читать про теракт: «Я видела стрельбу в зале, видела, что террористы задевали провода, на которых висели бомбы...

Я понимаю, что человек, который меня спас, не мог в меня стрелять... Мы дружим с семьями погибших спецназовцев, они часто сюда приезжают. У нас была необходимость с ними общаться. Просто необходимость. С семьей Разумовского мы уже сроднились, на свадьбе у Миши Разумовского я встретила своего супруга».

«Отношение к десяти погибшим спецназовцам и к сохранению памяти о них раскололо город не меньше, чем иск в ЕСПЧ»

Ира ведет нас в Знаменный зал школы, заполненный символикой разных спецподразделений ФСБ. Один стенд посвящен Александру Богомолову, начальнику отдела специального назначения «Ворон». Ира искала его много лет.

— Голубые глаза, щетина и рукава вот так вот закатаны. Все, что я запомнила, когда он меня из школы выносил. Я потом всегда про него спрашивала, ходила, смотрела, когда к нам спецназовцы приезжали. А потом нашла в интернете фотографию Богомолова. У меня внутри что-то оборвалось, ушла с работы зареванная. Потом прочитала, что в 2017 году он погиб. Мама познакомилась с его супругой. Она живет в Москве. Я... короче, я не знаю, что ей сказать. Я знаю адрес, я все знаю, мне нужно прийти... — всхлипывает. — Надо с ней увидеться, но... не знаю. У меня чувство какой-то вины. Что я не застала его живым, что его нет.

Я спрашиваю, становится ли со временем легче.

— Мне — нет, — мгновенно откликается Ира. — Тогда я была маленькая и ничего не понимала, а теперь пришло осознание всего — и мне херово. Честно — мне херово. Если б не психологи, я не знаю, что б с нами было. А папа к психологам не пошел — и умер.

Год назад 1 сентября Ира начала записывать в фейсбуке, что с ней происходило, подробно, каждый день. Говорит, что в эти дни не может читать соцсети и СМИ:

— Там только разбор: кто виноват, кто заплатил и так далее, — голос Иры срысывается, она переходит на шепот. — Мне кажется, это неправильно. Очень больно, когда вся эта полемика... — всхлипывает, долго молчит. — А тех, кто пострадал, мы не замечаем. Мы о них просто не думаем.

«Чуть-чуть не красавица»

Лариса Кудзиева видела гранату, которая должна была ее убить. Маленькая и гладкая, она летела над ее головой долго, как в замедленной съемке — а потом наступила тишина. Среди этой тишины раздался тонкий звон, словно столкнулись два хрустальных бокала. «Я подумала: как легко умирать», — вспоминает она.

1 сентября 40-летняя красавица Лара пришла в школу вся в черном. Четыре месяца назад от рака желудка скоропостижно умер ее муж, и она не снимала траур. После начала штурма Ларису с двумя детьми, первоклассником Заурбеком и 9-летней Мадией, террористы загнали в столовую. Они лежали на полу в углу, когда решетку в окне вдруг выбило внутрь, и в помещение запрыгнули три спецназовца.

«Бесшумно, по-кошачьи, будто на батуте, — вспоминает Лариса. — Встали на подоконнике — а прыгнуть некуда, мы ковром лежим. Стол в центре стоял — они на него. Тут террорист вбегает, видит их, короткий бой, террорист бросает гранату. И все».

Граната летела так долго, что Лариса успела прижать к себе сына, схватила второй рукой дочь. Почувствовала, что на лицо что-то упало — словно штукатурка посыпалась с потолка. Услышала крик сына. «Смотрю — на нем капли крови, текут с меня. Я вытащила из-под него руку, трогаю лицо — накаляюсь пальцами на свои кости. И вырубаясь».

Дети Лары спаслись: дочь Мадина — раненая «нашей, родной пулей» при стрельбе в окна, сын — почти целый, с поврежденными барабанными перепонками. Ларису оставили в столовой, приняв

на, а тогда я не чувствовала лица. Говорю медсестрам: дайте зеркало. Они: «У нас нету». «А как вы чепчики свои надеваете?» «Мы по памяти». Потом дали, большое такое зеркало. Смотрю — лицо в него не помещается, опухло, подбородок на груди лежит».

Всего Лариса перенесла 30 операций. Нервных окончаний, мышц и большей части костей на правой стороне ее лица не осталось, и врачи лепили лицо кавказской красавицы, словно статую: отстраивали костный каркас, нитями подтягивали мышцы, пересаживали кожу со спины, дважды зашивали барабанную перепонку: «Не могу сказать, что я совсем не слышу. Я как будто стою на берегу горной реки, и она постоянно шумит». Сейчас правый глаз Лары на 89% не видит. Раньше было еще хуже, но теперь «словно занавесочка черная опускается». Жаль только, что изображение перед глазом двоится, и на лестницах Лариса всегда боится упасть. Слез она не чувствует, они текут из поврежденной слезной железы сами. Гайморовые пазухи смещены, воздух попадает в горло, не нагреваясь, в холода Лариса все время болеет бронхитом, а зимой старается не выходить из дома вообще.

Деньги на лечение каждый раз приходится просить у администрации Северной Осетии. Операции, которые ей нужны, относятся к пластической хирургии, и государством не дотируются. В прошлый раз Лара сама заплатила врачам 175 тысяч рублей. В администрации республики ей пообещали, что деньги вернут, но прислали сначала сто тысяч, потом, после писем и напоминаний, еще 30. «Я думала даже со счета их не снимать, они же не милостыню мне посылают. Потом думаю: а что мне, самой платить? И сняла».

Недавно московские врачи предложили Ларисе пройти операцию в немецком Аахене, пообещали, что там есть врачи и оборудование, которого нет в России. Правда, операции за границей не дотируются. «Я же не могла сказать, что у меня нет денег, сказала, другие дела сейчас. А какие у меня дела?» — говорит Лариса. До теракта она работала главным бухгалтером, потом получила II группу инвалидности и пенсию в 13 990 рублей. На всякий случай Лара встала на учет в центре занятости, но единственное, что ей предложили, — курсы мастеров маникюра.

— Они думают, я маникюр вот этой рукой буду делать?..

Мы сидим на кухне в доме Лары во Владикавказе, куда она переехала сразу после теракта. На ней майка в стразах, узкие джинсы, алые тапочки с бантиками. Из-под коротких рукавов видны тянущиеся по всей правой руке шрамы: рваные линии швов, выхваченные куски плоти. Лара вытягивает вперед руку, так что виден притытый врачами палец и аккуратная квадратная заплатка из пересаженной кожи.

— Я сказала: детям своим это предлагайте. И ушла.

Весной глава Северной Осетии Вячеслав Битаров пообещал выделить деньги на операцию Ларисы из резервного фонда республики. Лариса ждет, гравитационный птоз опускает ткани лица, темные пряди волос отрастают, закрывая правую сторону лица. «После теракта я совсем длинные отравила, полностью лицо закрывала. Потом лучше стало... Я первый раз, знаешь, когда пришла в себя? В 2005 году в январе. Со мной в больнице собрали спинальных больных, они вот посюда, — Лариса показывает на свою шею, — ничего не чувствовали. Посмотрела я на них, думаю: ну, поллица... Хрен с ним. 40 лет жила красавица — а тут чуть-чуть не красавица. Ладно».

Елена РАЧЕВА, «Новая»,
фото Алины ДЕСЯТНИЧЕНКО —
специально для «Новой»,
Беслан

Отрасль взяли в клешни

Росрыболовство обнародовало извещение о проведении аукционов по продаже квот на вылов краба. Первые аукционы будут проведены 7 октября. И этот день можно смело внести в календарь памятных дат России как день рождения монополиста на российском крабовом рынке. Дело в том, что на аукцион выставлен 41 лот. Стартовая цена большей части лотов — 3–4 млрд рублей, и всего по нескольким лотам торги стартуют с цены в 785 млн рублей.

Очевидно, что подать заявки об участии в аукционах смогут лишь бизнесмены, имеющие возможность получить много-миллиардные банковские кредиты. Но ни один банк не рискнет выдать такие кредиты новичку, не знающему специфику и особенности рыбной отрасли. И, следовательно, не может быть и речи о приходе в рыбопромышленную отрасль новых участников. Хотя именно этот аргумент был основным у лоббистов изменения правил работы отрасли, которые и были-то приняты совсем недавно — в 2016 году. А год назад, 16 августа 2018-го, вышло распоряжение правительства № 1697-р, которым была утверждена «дорожная карта» по развитию конкуренции на 2018–2020 годы в рыбной отрасли, ключевым условием которого было названо изменение правил работы отрасли. По этой «дорожной карте» предполагалось изъятие 20% квот, сейчас подготовлен проект изменений, предусматривающий изъятия до 50% всех рыбных ресурсов.

Михаил ТЕРЕЩЕНКО / ТАСС

Аукционы на вылов краба приведут к монополизации, а не расцвету конкуренции

справка «Новой»

Глеб Франк — сын гендиректора судовой компании «Совкомфлот» Сергея Франка, бывшего министра транспорта. Женат на дочери бизнесмена Геннадия Тимченко Ксении.

Обреченные на победу

Не претендуя на лавры Нострадамуса, предпологаю, что по большинству лотов аукционов, которые начнутся 7 октября, победу нокаутом одержат кампании, аффилированные с «Русской рыбопромышленной компанией» (РРПК), начавшей работать в рыбной отрасли в 2011 году, но до 2014 года действовавшей под названием «Русское море — Добыча». Сегодня РРПК контролирует Глеб Франк. И еще в прошлом году участникам рынка стало очевидно, что основным бенефициаром новых правил работы отрасли будет именно РРПК.

У РРПК нет проблем с кредитами. Банки раскрывают перед компанией свои закрома, даже если показатели финансово-хозяйственной деятельности конкретных получателей кредитов оставляют желать лучшего.

К примеру, в мае 2017 года на аукционе по продаже крабовых квот интегрированная в РРПК владивостокская компания ОАО «Турниф» приобрела шесть лотов на право вылова 2,4 тысячи тонн трех видов краба, вложив 10,3 млрд рублей. И это при том, что, судя по финансовой отчетности ОАО «Турниф», свободных денег у компании не было. К моменту участия в аукционе в бухгалтерском балансе компании за 2016 год была зафиксирована огромная долговая нагрузка — 5,3 млрд рублей долгосрочных кредитов и 1,6 млрд рублей — краткосрочных. И 10,3 млрд рублей, выложенных на квотном аукционе, — это явно не деньги, которые «Турниф» наскреб по сусекам, а такие же кредитные.

Ловилась рыбка

Напомним. Рыбную отрасль долгие годы лихорадило. В прибрежных водах России орудовали целые флотилии браконьеров и полулегальных добытчиков. Большой частью иностранных.

19 октября 2015 года в ходе заседания президиума Госсовета России по

вопросам развития рыбохозяйственного комплекса Владимир Путин, казалось бы, поставил точку в этом вопросе, когда заявил, что страну не устраивает, когда «в рыбной отрасли расплодилось разное рода рантье, использующие наши биоресурсы».

По итогам этого заседания президиума Госсовета президент поручил внести в Госдуму необходимые поправки в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», закрепив так называемый «исторический принцип» распределения квот на вылов рыбы, краба и других видов биоресурсов.

Путинскую инициативу Госдума реализовала стремительно. И уже летом 2016 года рыбопромышленные компании получили возможность спокойно работать, один раз приобретая на аукционе квоты, не беспокоясь, что их могут лишиться права выходить в море на промысел. Это дало возможность предприятиям отрасли планировать развитие на многие годы вперед, брать долгосрочные кредиты на строительство заводов и рыболовных судов.

Президент «Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров» Герман Зверев в письме на имя руководителя ФАС Игоря Артемьева привел конкретные данные динамичного развития отрасли после реализации путинских инициатив.

К примеру, с 2013 по 2018 год, по данным Росстата и налоговиков, финансовый

результат рыбной отрасли увеличился с 23 миллиардов рублей до 341 миллиарда, а объем налоговых отчислений увеличился в период с 2015 по 2018 год с 31,7 до 45,8 миллиарда рублей. Полученную прибыль предприниматели по договорам об инвестиционных квотах вложили в строительство 33 судов и 21 берегового рыбзавода.

Но стабильность на рынке продержалась недолго. Уже осенью 2017 года началось лоббирование отмены исторического принципа распределения квот и установление новых правил игры. Но поскольку инициатором правил, установленных в 2016 году, был лично Путин, лоббистам пришлось убеждать именно президента, что он ошибся, что его детище изначально родилось ущербным, что России необходимы новые правила работы рыбной отрасли. И судя по документам, которые просочились в публичное пространство еще в 2017 году, у лоббистов была возможность довести до президента свои аргументы напрямую (*подробности — в «Новой», № 3 от 15 января 2018 года*).

В итоге 1 мая этого года президент подписал спешно принятый Госдумой закон, де-факто предусматривающий отзыв квот, приобретенных на аукционах всего несколько лет назад. Это как если бы у ЛУКОЙЛа отобрать, к примеру, лицензию на добычу нефти в Баяндынском месторождении, а у «Роснефти» — лицензию на разработку Эргинского месторождения. И эти лицензии выставить на новые аукционы...

Форсаж аукционов

Когда вступил в силу закон об изменении правил работы рыбной отрасли, началась подготовка новых аукционов. Но скорость этой работы явно не устраивала инициаторов перемен. И снова анонимные, но влиятельные граждане передали челобитную на имя президента (*подробности — в «Новой», № 91 от 19 августа 2019*). В которой обвинили в волоките

ФСБ, ФАС, Минпромторг, Министерство развития Дальнего Востока.

Дословно: «По состоянию на 2 августа 2019 года не приняты нормативно-правовые акты... Предложенные Минсельхозом проекты документов до сих пор находятся в стадии «проработки»; со стороны каждого из причастных ведомств — ФАС, ФСБ, Минпромторг, Министерство развития Дальнего Востока и др. имеются существенные неурегулированные разногласия». «С учетом «сырого» статуса документов и разногласий по ним, а также отпускного периода в правительстве РФ существует высокий риск невозможности проведения аукционов в 2019 г. Соответственно в бюджет РФ не поступит запланированный доход в виде аукционных платежей, держатели «исторических» крабовых квот продолжат добычу краба в 2020 г., а государственная реформа будет сорвана». Хотя о каком срыве может идти речь, если доходы, полученные в ходе аукционов, все равно поступят в бюджет. И именно в 2019 году.

7 августа 2019 года Владимир Путин нанес резолюцию на никем не подписанное ходатайство: «Белоусову А.Р. (то есть помощнику президента по вопросам экономики. — Ред.) Прошу разобраться с заинтересованными ведомствами и доложить».

«Сырые» документы стремительно «подсушили», и в первую рабочую неделю осени Росрыболовство объявило дату начала аукционов — 7 октября.

Кому закон не писан

Отмена исторического принципа распределения квот вроде бы должна распространяться на всех участников рынка. Но инициаторы перемен добились сохранения прежних правил для нескольких «более равных» предприятий. Таких как ООО «Монерон», РК «Приморск», ООО «Краб-ДФБ», ООО «ДВ-Флот», ПАО «ПБТФ», ООО «Аквариус», ООО «Паладин», ООО «Амуррыбпром», ООО «Амарамба», ЗАО «Восток-Джапан».

Есть в перечне «более равных» и компании, бенефициары которых хорошо известны не только рыбопромышленникам. Это ООО «Восход», ПАО «Находкинская база активного морского рыболовства» (НБАМР) и уже упомянутое ОАО «Турниф».

Чем примечательны предприятия, которым оставили квоты?

ООО «Восход» контролируется сыном губернатора Приморского края Никитой Кожемяко.

ПАО «НБАМР» — ключевой актив семьи экс-губернатора Приморья Сергея Дарькина.

«Турниф» известен на рынке не только тем, что входит в РРПК, но и тем, что вскоре после приобретения на аукционе за 10,3 млрд рублей квот на вылов краба, переуступил эти квоты ООО «Примкраб», в котором по 47% долей принадлежат Глебу Франку и Максиму Воробьеву, сыну сенатора, экс-замминистра МЧС Юрию Воробьеву и брату губернатора Московской области Андрею Воробьеву.

«Новая» продолжает следить за развитием событий.

Ирек МУРТАЗИН,
спец. корр. «Новой»

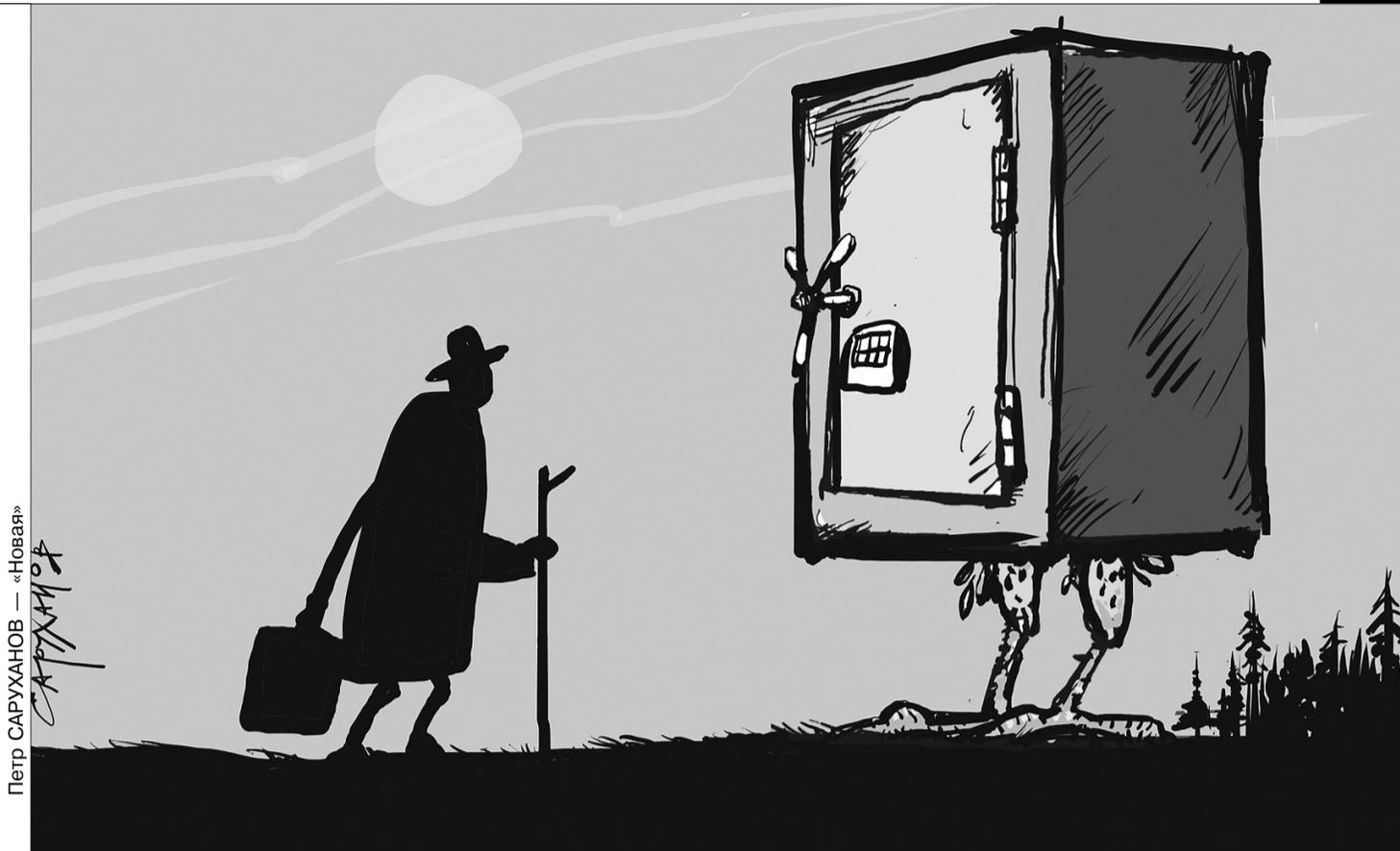
Владислав ИНОЗЕМЦЕВ,
специально
для «Новой»

Экономические новости последнего времени сложно назвать хорошими. Минэкономки понизило прогноз роста на ближайшие годы, а министр заговорил о замедлении темпов роста. По итогам июля валовой продукт строительства сократился на 0,3% к июню, промышленность упала на 0,4%, а грузооборот всех видов транспорта — на 0,5%. Введены очередные санкции, на этот раз против российских государственных заимствований. «Национальные проекты» дают пока скромные результаты. И усиление надзора за ними указывает лишь на то, что важность их исполнения не только по формальным признакам осознается уже на самом верху.

На этом фоне чуть ли не единственной структурой, демонстрирующей в этом году постоянные попытки спродюцировать позитивные для предпринимателей сигналы, остается Министерство финансов. Ведомство часто обвиняют в скупом расходовании средств на инвестиционные цели и создании излишних резервов, но в данном случае на Ильинке лишь исполняют законы, разработанные в правительстве и принятые Госдумой. В текущем же режиме Минфин все чаще стремится реализовать «стратегию малых дел», которая может стать критически важной в недопущении экономического спада, о котором многие говорят, как о чем-то неизбежном.

В этом отношении примечательными выглядят последние выступления Силуанова, первого вице-преьера и куратора национальных проектов в сфере предпринимательства. На последней из его ставших уже традиционными встреч с предпринимателями — на этот раз в Калининграде — прозвучали слова, к которым следовало бы отнестись с должным вниманием, так как они дают представление о том, как экономический блок правительства намерен оживлять экономику в ближайшие годы.

Судя по выступлению Силуанова, в самом западном российском регионе, первым и чуть ли не основным стимулом развития сегодня считается относительно дешевое кредитование бизнеса — прежде всего малого и среднего. Правительство очевидно озабочено налоговой дисциплиной (с 2021 г. прекратится практика взимания налога на вмененный доход, и его плательщики — более 2 млн организаций и индивидуальных предпринимателей — опасаются роста налоговой нагрузки), но при этом проработало возможности для малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей перейти на патентную систему налогообложения или платить налог на профессиональный доход, что позволит не увеличивать налогового бремени и не усложнять бюрократические процедуры. Министерство финансов готово увеличить субсидирование процентной ставки по кредитам для малых и средних предприятий таким образом, чтобы их объем по итогам этого года вырос в восемь раз по сравнению с 2018-м — до 1 трлн рублей. Правительство уже приняло решение о повышении предельного размера таких льготных кредитов со ставкой не более 8,5% годовых до 2 млрд рублей на инвестиционные цели и срока их возврата до 10 лет (на пополнение оборотных фондов предлагается предоставлять кредиты в сумме от 3 до 100 млн рублей на три года). Сейчас работа по этой программе ведется с 70 банками, и их пул будет расширяться. Конечно, 1 трлн рублей — не такая уж и большая сумма, но в России малый бизнес традиционно вообще был отлучен от дешевых привлеченных средств. Так что можно ожидать, что этот 1% ВВП (а в будущем масштабы программы будут расти) частично компенсирует сокращение крупных государственных инвестиционных

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Стратегия «малых дел» ПРОТИВ РЕЦЕССИИ

Минфин как последний оптимист российской экономики

программ, задававших тон в экономике в последние годы.

Вторым отмечавшимся моментом была борьба правительства за увеличение доли малого и среднего бизнеса в поставках товаров и услуг для нужд государства и ведущих компаний с преимущественным государственным участием. В первом полугодии текущего года объем таких сделок вырос в два раза, превысив 2 трлн рублей. Минфин не намерен останавливаться

(в министерстве подготовили предложения об увеличении для госкомпаний и госкорпораций обязательной квоты для малых и средних предприятий до 20% общего объема закупок). Еще раньше, замечу, первый вице-премьер говорил о необходимости расширения «горизонта планирования» закупок госкомпаний у малых и средних предприятий с нынешнего одного года до трех лет. Подобные меры выглядят, на мой взгляд, менее многообещающими — система госзакупок в ее нынешнем виде (а она в своих основных чертах воспроизведена в регламентах работы госкомпаний) чрезвычайно бюрократизирована, и конкуренции в ней недопустимо мало (96% контрактов госкомпаний считаются самим Минфином «неконкурентными», а почти 1/3 представляет собой покупки у единственного поставщика). Квоты — дело хорошее, но они вряд ли запустят естественный рост малого и среднего бизнеса просто потому, что закупкам госкомпаний требуется больше конкурентности, и если таковая будет обеспечена, российский частный бизнес сам найдет удобные и выгодные для себя ниши в этом секторе; если конкуренция по-прежнему будет недостаточной, главы госкомпаний будут и дальше проводить

подряды через организации, формально подпадающие под требования властей, но на деле имеющими к малому бизнесу весьма малое (да простят меня за каламбур) отношение.

Третьим направлением помощи предпринимателям Минфин видит смягчение контрольно-надзорных функций. Силуанов в Калининграде отметил, что Минфин будет ходатайствовать об отмене штрафов за впервые выявленные финансовые нарушения и уже готовит поправки в действующее законодательство на эту тему. Говорилось и о необходимости сокращения сроков разблокирования счетов малых и средних фирм, которые замораживаются при выполнении банками требований закона о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем. Как о важном решенном вопросе было сказано о сокращении в несколько раз нормативных сроков выдачи Минфином критически важных для бизнеса справок и подтверждений. Например, подтверждающих российское налоговое резидентство. При этом, замечу, ряд болезненных для Калининградской области моментов. Например, организация поставок товаров из остальной части России и отгрузки в нее продукции краевых предприятий обсуждаются в новом ключе. Например, была предложена возможность снижения транспортных тарифов за счет переключения с железнодорожных поставок через Литву на паромные перевозки в порты Ленинградской области и даже создание для выравнивая цен единого оператора железнодорожных и паромных перевозок под эгидой РЖД. Это может на поверку оказаться одной из сложнейших логистических задач — решать придется не только тарифные вопросы на перевозку, но и корректировать процедуру таможенного оформления грузов.

Встречи, подобные прошедшей в Калининграде, за этот год были организованы уже в шести городах практически во всех федеральных округах, и прямое общение высших чиновников правительства с бизнесом, несомненно, приносит свои плоды. Министерство финансов сегодня курирует относительно «малобюджетные» нацпроекты (если бюджет нацпроекта по транспорту составляет до 2024 г. 4,8 трлн рублей, по экологии — 4 трлн, по демографии — 3,1 трлн, по здравоохранению — 1,7 трлн и даже по цифровизации — 1,6 трлн рублей), то нацпроекты по повышению производительности труда, поддержке малого и среднего бизнеса и развитию международного сотрудничества и экспорта предполагают общие затраты менее чем в 1,5 трлн рублей за тот же срок.

Квоты — дело хорошее, но они вряд ли запустят естественный рост малого и среднего бизнеса

Чуда ждать не стоит: Русская православная церковь с жесткой иерархической вертикалью, раздутым административно-управленческим аппаратом и ориентацией на прибыль становится все менее привлекательной. Можно сформулировать и более жестко: РПЦ как организация все меньше напоминает церковь в традиционном понимании этого слова. На церковь похожи отдельные приходы и монастыри, но не Московская патриархия как церковная структура. В первые годы своего патриаршества Кирилл провел в церкви административную реформу и сосредоточил в своих руках всю полноту власти, переведя церковь в режим «ручного управления». На волне больших ожиданий первый эффект от реформ был положительным, однако в последние годы реальная управляемость церковными структурами стремительно падает. Казалось бы, официальные отчеты не дают повода для волнений и тревог, но внутренние процессы говорят о том, что ворох нерешенных проблем делает РПЦ колоссом на глиняных ногах. И пора задуматься о том, какие будут контрреформы после того, как эпоха патриарха Кирилла закончится.

Сергей БОБЫЛЕВ / ТАСС

Деньги, кадры,

Реформирование РПЦ: что предстоит поменять после окончания эпохи патриарха Кирилла?

Последние годы патриаршества Алексея II нередко называют временем застоя. Именно в эти годы сформировался запрос на серьезные перемены в церковной жизни, так и не состоявшиеся в период «церковного возрождения». На волне этих ожиданий 10 лет назад энергичный и предприимчивый митрополит Кирилл был избран патриархом.

Вскоре после интронизации он начал реформировать РПЦ. Первая цель этих реформ была очевидна: Кириллу было необходимо уничтожить «второй центр» власти, который он сам создал и который в итоге привел его к патриаршескому, — Отдел внешних церковных связей (ОВЦС). У будущего преемника Кирилла не должно быть никаких шансов прийти к власти тем же самым путем.

Некогда мощный и влиятельный ОВЦС превратился в небольшой синодальный отдел после того, как из него были выделены Отдел по взаимодействию с государством и обществом (позднее отдел был ликвидирован и стал подразделением Синодального информационного отдела) и Управление по зарубежным учреждениям Московского патриархата.

Также были созданы Патриарший совет по культуре, Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства, Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством, Синодальный отдел по монастырям и монашеству и упомянутый выше Синодальный информационный отдел (позднее переименованный в ОВЦОСМИ — Синодальный отдел по взаимоотношениям церкви с обществом и средствами массовой информации) и воссоздано Финансово-хозяйственное управление Московской патриархии. В итоге возникло множество синодальных структур, каждая из которых решает только собственные задачи, а все вместе они страдают от отсутствия общей стратегии, координации и взаимопонимания.

Проведенные патриархом Кириллом реформы, по сути, лишили синодальные структуры возможности действовать самостоятельно и проявлять инициативу. Председатели отделов не формируют программу их деятельности, а получают «ценные указания» от патриарха на заседаниях еще одного органа церковной власти — Высшего церковного совета.

Вся власть в одних руках

Главная цель реформ патриарха стала понятна не сразу. Вопреки уставу он решил сосредоточить в своих руках всю власть. Не только синодальные структуры, но даже Священный синод и Архиерейский собор, которые по тому же уставу РПЦ стоят выше патриарха, стали безвольными придатками, декорацией абсолютной власти Кирилла.

Он учредил еще одну новую структуру, призванную создать видимость соборного характера церкви, — Межсоборное присутствие (МСП). Оно не имеет аналогов ни в одной другой поместной православной церкви. Члены МСП, назначаемые Синодом, участвовали в разработке документов, впоследствии представляемых на Синод и Архиерейский собор. На первом этапе в МСП были представлены не только различные церковные сообщества — миряне (ученые и общественные деятели), монахи, священники и епископы, но и люди самых разных взглядов — социалисты и монархисты, либералы и консерваторы. Буквально через пару лет патриарх Кирилл потихоньку превратил его в орган чисто технический. Задачи Межсоборного присутствия были жестко ограничены поручениями патриарха и Синода. Со временем и состав МСП был изменен: из него удалили яркие фигуры и ввели вместо них тех же церковных бюрократов.

Основным инструментом патриаршей власти стала еще одна новая структура — административный секретариат, созданный по аналогии с администрацией арезидента.

Старший епископат мог бы оказать сопротивление патриарху, но он про-

молчал. Реформы Кирилл проводил быстро, их подлинные цели не раскрывал, а когда цели стали понятны, дать обратный ход не было никакой возможности. Не желая играть в кошки-мышки со старшим епископатом, патриарх резко увеличил количество епископов в церкви, тем самым отложив на долгий срок формирование оппозиции среди епископата. Все молодые епископы рукоположены лично патриархом и надолго останутся ему благодарны. Старший епископат остался в меньшинстве и мог только сетовать, что «времена изменились».

Виртуальный враг и борьба с ним

Резко увеличившийся административный аппарат РПЦ довольно быстро показал свою низкую эффективность. Учебные заведения церкви не выпускали специалистов необходимой для работы в синодальных структурах квалификации. В итоге возникает, с одной стороны, текучка кадров, а с другой — формируются сообщества (кланы), которые поддерживают своих членов, даже если последние работают плохо. Низкая эффективность работы синодальных структур — предмет постоянной критики и раздражения патриарха Кирилла. Большинству начальников отделов и комиссий приходится постоянно придумывать оправдания ошибкам и недоделкам своих подчиненных.

Семь лет назад в патриархии заговорили об «информационной атаке на церковь». Ряд медиааналитиков поддержали разговоры об атаке и даже «доказали» ее реальность с помощью мониторинга

СМИ и социальных сетей. И патриарх поверил, что на РПЦ и на него лично была проведена атака враждебных сил, мощных, коварных и влиятельных. Буквально на пустом месте был сформирован злобный образ неких анонимных «врагов церкви», которые на борьбу с РПЦ тратят огромные средства.

Вероятно, цель этой искусно организованной акции была довольно проста. Церковная бюрократия разыграла рискованную, но в итоге удачную партию. Ей удалось убедить патриарха Кирилла, что синодальные структуры на самом деле работают качественно и эффективно, но враг настолько силен, что противостоять ему не могут даже опытные и усердные их руководители.

Реакция патриарха Кирилла на события вокруг автокефалии на Украине стала еще одним доказательством неадекватности высшей церковной власти в РПЦ. Его действия полностью укладываются в эту картину: вот видите, враги опять вернулись!

В итоге ситуация для церковных чиновников как в сани, так и без получилась удобная. Они теперь особо не заморачиваются: как только им кто-то не нравится, они не пытаются разобраться, а тут же записывают всех во «врагов церкви». Есть и еще одно новое словосочетание — «предатели в рясах». Вдохновившись баснями о врагах, его придумал уже сам Кирилл.

Церковная карьера: главное — деньги

Радикально реформированная Московская патриархия использует два основных рычага: жесткую финансовую дисциплину и новые лояльные кадры.

крыто. В целом же практика «конвертов» остается общепринятой.

О том, что финансы находятся в центре внимания Московской патриархии, свидетельствует одна простая деталь. В Москве при патриархе Кирилле разработана специальная «тарифная сетка» для «налогообложения» приходов. Минимальная сумма отчислений составляет 100 тысяч рублей в год. Это «налог», который платят небольшие домовые храмы. Приходские храмы среднего размера платят от 600 тысяч до миллиона рублей в год. Храмы в спальных районах платят по несколько миллионов рублей — и не столько потому, что приходы больше, сколько потому, что больше совершается треб и больше товаров продается в лавках.

Учитывая, что в Москве, по официальной статистике (2018 год), было 1179 церквей и в 516 из них богослужение совершалось как минимум раз в неделю, патриархия получает от них около миллиарда рублей ежегодно. И все это «чистая прибыль», которая не облагается налогом. Куда и как расходуются эти средства, неизвестно. Патриарх Кирилл никогда и нигде не отчитывался. Однако, судя по общим расходам, которые тоже перекладываются на приходы и епархии, патриархия эти деньги вряд ли тратит полностью. Куда и как патриарх вкладывает эти деньги? Вопрос открытый. И после того, как в 2017 году все его имущество и доходы были засекречены в соответствии с новой редакцией закона «О государственной охране», скорее всего, мы об этом

самостоятельно мыслящие семинаристы, в том числе и дети духовенства. Они видят, что церковная карьера становится главным мотивом для принятия сана, а карьеру могут делать только послушные и, как правило, беспринципные люди.

В условиях, когда крупные приходы и епархии существуют не столько за счет пожертвований прихожан, сколько за счет финансовой поддержки епископов и отдельных священников со стороны воцерковившихся бизнесменов и менеджеров высшего звена, умение работать со спонсорами ценится выше, чем дар проповедника или талант пастыря.

Второй критерий говорит о том, что патриархии не нужны самостоятельно мыслящие люди. Опыт личной свободы становится препятствием на пути к священству. Перед хиротонией кандидата жестко проверяют, в том числе проводят мониторинг соцсетей, на основе которого пишется особый доклад патриарху: как высказывается, с кем и «против кого» дружит.

Однако более ярко о кризисе в РПЦ говорят другие тенденции — снятие сана священниками или их запрет в служении со стороны церковного суда или епархиального совета. Естественно, нет никакой открытой статистики ни по попам-расстригам, то есть по снявшим сан священникам и диаконам и оставившим монашеские обеты монахам, ни по второбрачным священникам, так как это показатель кризиса, а не процветания церкви.

Одновременно увеличивается социальное расслоение в среде православного духовенства. Если настоятель московского храма может получать в среднем 100–150 тысяч рублей, а второй священник 50–70 тысяч в месяц, то в провинции настоятель получает всего 20–30 тысяч рублей, а на деревенском приходе — хорошо если 15, а то и 7 тысяч. И это при том, что многие священники — многолетние.

Соборное согласие

Громоздкая модель церковного управления, созданная патриархом Кириллом и не учитывающая интересы духовенства и мирян, по сути, работает против церкви. Фактически он упразднил остатки синодальной формы управления и, введя авторитарное правление, опирается на молодую епископат и новую церковную бюрократию. Однако церковная бюрократия, как и любая другая, жаждет одного — сохранить свою власть и свой уровень доходов. Она не заинтересована в том, чтобы тратить деньги и силы на реальное развитие церковной жизни.

На мой взгляд, уже вполне очевидны общие контуры той программы реформ, которую предстоит сформулировать преемнику Кирилла на Московском патриаршем престоле. И будет большой ошибкой, если эта программа ограничится только административной (контр) реформой. Не менее серьезные проблемы у РПЦ в области богослужебной практики, организации приходской жизни, семинарского образования, богословских исследований и т.д.

Системный подход к созданию программы преобразований потребует не только мужества, но и солидарности. В основу изменений должно лечь соборное согласие, а не мнение одного человека. Ошибки патриарха Кирилла повторять не стоит.

Можно предположить, что серьезной ревизии будет подвергнут устав церкви. Общее соотношение прав и обязанностей следует пересмотреть в сторону большей самостоятельности приходов и больших прав мирян в устройении приходской жизни, а монашеских общин — в устройении жизни монашеской. Церковно-административные структуры должны быть лишены тех прав, которые позволяют им и епископату фактически держать священников и монахов в рабстве. Значительно более существенную роль должен играть церковный суд. Со всех точек зрения, в том числе и финансовой, все церковные структуры должны быть подотчетны церковным собраниям соответствующих уровней. Каждому епископу должно быть назначено годовое содержание в разумных для монаха-административного предела, а срок пребывания на должности председателя в синодальных структурах можно ограничить 4–6 годами.

Серьезные изменения обязательно произойдут и в церковно-государственных отношениях. Церковь, которая работает об общественном благе, не может молчать, когда государство пренебрегает законами и попирает человеческое достоинство. Но заговорить церковь сможет только тогда, когда перестанет получать прямое и косвенное содержание от государства.

Детальную программу церковных реформ еще предстоит разработать, и очевидно, что дискуссии будут горячими.

Я же надеюсь, что история Русской православной церкви не закончится с эпохой патриарха Кирилла, поэтому новые реформы неизбежны, и важно, чтобы они были системными. Впрочем, возможны разные сценарии, и вариант угасания и дальнейшей маргинализации РПЦ тоже не исключен.

Сергей ЧАПНИН —
специально для «Новой»

ПОСЛУШАНИЕ

Финансовый рычаг действует просто: главный критерий эффективности настоятеля/игумена/епископа — это способность привлечь такие средства, которые обеспечат, во-первых, требуемые отчисления в епархию и далее в патриархию и, во-вторых, минимальное функционирование прихода/монастыря/епархии. Если настоятель не справляется, он будет смещен. Если справляется хорошо, он может быть переведен на более богатый приход и, соответственно, будет распоряжаться более серьезным бюджетом.

То же самое касается и епископов. Если они начинают на бедной епархии, но уверенно выполняют «финансовый план», демонстрируют лояльность и не болтают лишнего, у них есть возможность карьерного роста и назначения в более богатую епархию. Известны случаи, когда настоятели отказывались от своей зарплаты, только бы выполнить многочисленные финансовые требования епархии, а благочинные, особенно молодые, вносили свои личные деньги за настоятелей бедных приходов, которые не могли вовремя заплатить.

В Москве визит викарного епископа на приход обходится приблизительно в 500 тысяч рублей, причем значительную часть этой суммы составляют «обед» и раздача «конвертов» епископу и его свите. Визит патриарха на приход обходится уже в миллион рублей. И отказаться от этой «радости» невозможно.

Лишь один епископ недавно публично заявил, что отказывается от практики получения «конвертов». Это митрополит Тихон (Шевкунов). Известно, что еще несколько епископов не берут конверты, хотя и не спешат об этом говорить от-

никогда не узнаем. Не исключено, что эти деньги выведены из церкви и находятся в управлении финансовых структур, которые не отчитываются перед церковью о своих инвесторах и бенефициарах.

Отсутствие прозрачности церковных финансов создает идеальные предпосылки для развития коррупционных схем. Известно, что есть епископы, которые в прямом смысле слова купили свое епископство.

Зачем нужно послушание?

В РПЦ затраты на содержание бюрократического аппарата постоянно растут, епископы во всем стараются подражать губернаторам, тратя сопоставимые суммы на поддержание такого же уровня потребления и комфорта, что и высшие региональные чиновники.

« Увеличивается социальное расслоение в среде православного духовенства. Если настоятель московского храма может получать в среднем 100–150 тысяч рублей в месяц, то в провинции настоятель получает всего 20–30 тысяч рублей, а на деревенском приходе — хорошо если 15 »

Церковная карьера: ЛОЯЛЬНОСТЬ

Для поддержания полной управляемости Московская патриархия радикально изменила кадровую политику и ввела жесткий отсев кандидатов в священники. Главными критериями становятся два: а) лояльность церковной власти и готовность безропотно ей подчиняться; б) отсутствие светского образования, полученного до поступления в семинарию.

Использование первого критерия приводит к тому, что от принятия священного сана отказываются энергичные,

Сегодня сдерживать недовольство сложившейся ситуацией можно только одним единственным способом — засекречивая суммы расходов на церковное управление. Однако, даже не зная точных сумм, можно предположить, что содержание каждого нового епископа и его епархии обходится прихожанам как минимум в полтора миллиона рублей в год. За время своего патриаршества Кирилл рукоположил около 200 новых епископов и создал 153 новых епархии. Это значит, что только административные расходы выросли как минимум на 400 миллионов рублей в год. Итого почти пять миллиардов рублей за 10 лет патриаршества.

Президент Владимир Путин озаботился медленным ростом доходов россиян. «Такое положение дел не может не вызывать беспокойства», — заявил глава государства на совещании с министрами. Согласно майскому указу, до 2024 года в стране должно случиться «прорывное социально-экономическое развитие». Долю бедных жителей обещано снизить вдвое: с нынешних 14 до 6,6 процента.

Оценить усилия чиновников, твердящих о повышении уровня жизни граждан, можно на саратовской барахолке. За последние 10 лет, по наблюдениям завсегдатаев, блошинный рынок вырос в 10 раз. За прилавками (вернее, над картонками с товаром, разложенными на улице) стоят разорившиеся мелкие предприниматели, пенсионеры и предпенсионеры. От покупателей нет отбоя. Самой ходовой здесь считается монета в 10 рублей — цена большинства товаров. Средний чек не превышает 500 рублей.

«Камасутра»: просмотр 10 рублей

«Блоха» начинается за автозаправкой на Большой Садовой. Хмурые бабушки сидят на обочине с картонками. На картонках — чугунные сковородки с чапельниками, формы для пирожного «орешек», тяжелые хрустальные вазы. Советский шик и сегодня находит покупателя: черноволосые женщины в косынках и бархатных платьях прицениваются к остаткам блестящих сервизов.

Молодые люди с модными бородками и рюкзаками задерживаются у другой обочины. Здесь стоят коллекционеры. На клеенках — рыжие купюры с Ильичом, пожелтевший альбом с коллекцией этикеток, пластмассовые пупсики, блестящие подстаканники, связанные в пучок.

Много патриотических товаров — армейские фляжки, бинокли, сапоги и плащи от костюмов химзащиты. Цены в этом торговом ряду сильно отличаются от остальных точек барахолки. «Саперные лопатки — по 500 рублей, настоящего 1985 года производства. Ваши внуки смогут ими копать! Это вам не современный китайский ширпотреб», — объясняет лысый мужчина, сидя в открытом багажнике своей «семерки». «А вот эта — почти музейный экспонат, — продавец указывает на самую потертую лопатку с очень острой кромкой. — Она 1945 года. За 700». Спрашиваю, не придут ли ко мне после удачной покупки? «Разве я на такого похож? — широко улыбается мужчина. — Это все списано со складов».

Дорога идет под уклон. Глядя с пригорка, понимаю, насколько огромна барахолка. Торговцы копошатся по обеим сторонам улицы на протяжении двух-трех кварталов. Впереди — выставленная картонками и клеенками площадь перед бывшим корпусом лакокрасочного завода.

Микрорайон, где находится блошинный рынок, называется 2-й Шанхай. Серые дощатые заборы наваливаются друг на друга. На заборах развешаны пуховики, плиссированные юбки, рюкзаки с портретом юного Деда. Цены — от пяти рублей. Детское, как везде, дороже: любой предмет гардероба — 100 рублей. Тут же — объявления, выведенные маркером: «Камера хранения, 70 рублей неделя». Барахолка работает только по субботам и воскресеньям. Не все торговцы хотят и могут утащить домой нераспроданный товар.

Сворачиваю в закоулок направо. Тесная, всего пару метров шириной, утоптанная улочка изогнута под странными углами. Покупатели бредут, выстроившись в затылок, между наземными «прилавками». Четкого деления по группам товаров на барахолке нет. В этот закоулок, кажется, прибило книголюбов. Жюль Верн и Фенимор Купер — как будто только что из типографии, даже странички поскрипывают. «Макулатурные» издания. С тех времен, — хозяйка в панаме кивает куда-то назад, — к ним никто не прикасался». Толстые тома идут по 30 рублей, книжки-малышки в мягких обложках — по пять. Иллюстрированная «Камасутра» завернута в прозрачный фасовочный пакет с запиской: «Просмотр — 10 рублей».

«Пусть у каждого будет покушать»

Александр оказался на блошке полгода назад, когда пришлось закрыть официальные торговые точки с хозяйственными

Люди Второго Шанхая

товарами. «В шести магазинах мы стояли. О собственных помещениях не думали, деньги вкладывали в товар. Потом народ перестал покупать, аренду платить стало нечем». По субботам и воскресеньям Александр распродаст здесь магазинные остатки и разнообразную «некондицию» от знакомых.

«Вот кран-тройник из старых запасов. Отдаю за 100 рублей, в рознице дешевле 350 не найдете», — продавец поднимает со своей «поляны» то одну, то другую железку. «Переноски — тоже по стольнику. Понятия не имею, работают они или нет, мне легче так продать, чем проверять. Газовая плитка — за 500! В три раза дешевле, чем в магазине, из дефектов — только ручка отломлена».

Над «витриной» с гаечными ключами то и дело присаживаются покупатели — аккуратно и недорого одетые мужчины средних лет. «Красный топорик за сто отдашь?» — спрашивают ребята в рабочих комбинезонах. «Уважаемый, он 350 стоит», — разводит руками Александр. Стоговываются на 250. Клиент смеется: «А магнитик в подарок?» «Лучше отвертку возьми», — предлагает торговец.

«Выносить сюда товар дороже 500 рублей бесполезно», — машет рукой Александр. Хмыкает: «Знаете, почему здесь нет наркотиков? Народ не в состоянии купить. Даже паленую водку за сотку не берут».

Раньше барахолка занимала две аллеи перед Сенным рынком. В 2009 году, когда в Москве разогнали Черкизон, саратовская мэрия тоже решила побороться с чем-нибудь торговым. Старушек с фарфоровыми слониками вытеснили на место бывшей заводской свалки. Загончик, огороженный бетонными плитами, назвали «Народной ярмаркой». Успехи городских менеджеров по развитию экономики оказались настолько впечатляющими, что блошка разрослась раз в десять — благо есть спрос.

Первые покупатели появляются здесь около семи утра. Торговцы со всего города приезжают к 4.00, иначе не достанется места.

«Барахолка выполняет общественную функцию поддержки штанов», — объясняет Александр, расположившись на запыленном офисном стуле без спинки. Подумав, добавляет: «А еще это профилактика правонарушений. Деклассированный

Как обедневшие граждане становятся продавцами и покупателями на блошином рынке

элемент, таких здесь половина, выгребает старье и не бандитствует».

Нынешним летом «блоху» опять начали гонять. Как перешептываются торговцы, поводом стали участившиеся приезды в Саратов спикера ГД Вячеслава Володина и краткосрочный визит президента Владимира Путина. Глава государства прилетел на открытие нового аэропорта Гагарин и вряд ли бы увидел 2-й Шанхай даже в иллюминатор, но в воскресенье, перед визитом, по барахолке прошли люди в форме.

«Сказали: если не сомотаете удочки, протокол составим, ОМОН вызовем», — вспоминают торговцы.

Через неделю базар вернулся. Свободным остается только асфальтированный кусок улицы перед зданием районного следственного отдела.

Александр надеется, что власти поймут государственное значение блошки. «Если человек заработает здесь 500 рублей, он уже не пойдет на баррикады. Чтобы поддерживать социальную стабильность, лучше не придумайшь: пусть все здесь стоят, и у каждого будет покушать. Таких центров роста нужно больше. Главное, у государства мы ничего не просим. Только отвали».

«Все для простого обывателя»

«Здесь самая ходовая денежка — монетка в 10 рублей, — говорит Светлана в черной бейсболке. — У нас нет бумажных ценников. Человек подходит, и я стараюсь понять, сколько он готов заплатить за вещь. Вот медицинские банки. В аптеке набор стоит рублей 300. Я отдаю за 80».

Света рассказывает, что продает здесь запасы из родительского гаража. «Всё для простого обывателя», — гордо улыбается женщина, оглядывая ассортимент. Металлическая шеколда, которую ее отец когда-то сделал для дачной бани. Утюг, купленный родителями еще до появления Светланы. Электробритвы. Мотки мулине, «сколько дождей пережили и не линяют».

Светлана работает помощником повара в ресторане. Зарплата — 15 тысяч рублей. «На работу добираться двумя транспортом. Это 46 рублей в один конец. За квартиру уходит 8 тысяч в месяц. Выкручиваюсь за счет базара и дачи. Но там свои расходы: 7 тысяч рублей за сезон на воду и свет».

В отличие от официальных рынков, на блошке доброжелательно относятся к посетителям, которые не столько покупают, сколько «точат ляды». Торговцы сами не против поболтать. «За 30 рублей купил», — хвастается Свете Наримон, потрясая растянутым свитером. «Неделю ношу и выбрасываю. Я не стираю». Рассказывает, что приехал из Узбекистана.

«Даже в Риме есть барахолка. У товарища дети там живут, своими глазами видели. А в Саратове нас гоняют», — включается в разговор Александр Владимирович. Его прилавок оформлен более солидно: это раскладной столик с потертыми термосами и пылесосами. «Нас так воспитывали — не выбрасывать вещи. Продаю то, что скопилось за жизнь».

Александр Владимирович рассказывает об истории саратовских улиц. «А ты знаешь, почему Немецкую назвали так? А Московскую? А Цыганскую?» — настойчиво спрашивает пенсионер. Кажется, он немного выпил. На самом деле причина в том, что пожилой продавец полдня сидит на солнцепеке с высоким давлением. «А что делать? Пенсия приходит 4-го числа, через три недели ни копейки не остается».

Пенсия Александра Владимировича — 11 400 рублей. Его жена получает 12 000. На барахолке он стоит девятый год. Вырученные деньги тратит на лекарства.

Лишние

«За 50 рублей вилы взял для дачи. В магазине такие по 300», — радуется покупатель Сергей. На даче можно вырастить цветы и, в свою очередь, продать на блошке. Сергей с женой торгует кварталом выше.

«Не то чтобы мы фарцовкой занимались. Это своя бэушка», — прижав руки к груди, убеждает Лариса. Два года назад у нее закончился преподавательский контракт с медицинским университетом. Женщина с двумя высшими образованиями оказалась на бирже труда. Там сразу предупредили, что в 52 года рассчитывать на «интеллектуальную» работу не стоит.

«Я сама ишу варианты. Но, как убедилась, на работу берут до 35–40 лет. Более старшим соискателям прямым текстом говорят: вы не справитесь», — рассказывает Лариса. — Пыталась устроиться продавцом. Подумала: в приличные магазины

нужны девушки ядреные, пойду-ка в секунд-хенд, ведь я сама не новая. Там глянули на мое субтильное телосложение и сказали: мы вам не отказываем, ведь за предпенсионера «натянут», но устроим испытательный срок с такими нагрузками, чтобы вы поняли — это не ваше место».

Женщина решила наняться уборщицей в школу. «Песня та же: мы вам не отказываем, но вам тяжело будет таскать ведра». В продуктовый магазин Лариса пришла с домашней шваброй: «Думала — со своим инструментом не прогонят. Действительно, сразу поставили в смену. Ни медкнижки, ни паспорта не спросили. Был ноябрь, слякоть. Магазин большой, я добросовестная. Два часа терла полы. После этого спину защемило так, что я сама ушла».

Лариса надеялась «как-нибудь дотянуть до пенсии, благо стаж 34 года». «Но тут — нате из-под кровати! Слушала новости, как приговор: еще пять лет срока мне прибавили».

«Экономическая ситуация в стране такая, что без базара не выжить, — сама себя уговаривает Лариса. — Хотя иногда смотрю на это, — кивает на толпу продавцов и покупателей, — и думаю: ну что ж такое, прямо как в войну, когда вещи на хлеб меняли».

В первые дни на барахолке она стеснялась. «Увидела коллегу по бывшей работе. Он отвернулся в одну сторону, я — в другую. Со временем разговорились. Оказалось, он здесь торгует старыми ботинками. Теперь я считаю: чего стесняться, полстраны так выкручивается. Здесь нет счастливых, которые поднимают бабло».

Женщине на любом базаре тяжело, а уж на диком — тем более. Ближайший туалет — в нескольких кварталах на Сенном рынке, «спасибо, стоит семь рублей». Нет никаких навесов, защищающих от солнца или дождя. Осенью продавцы укрывают себя и товар пленкой, как в теплице.

«Но тяжелее всего переносить соседские склоки из-за места и страх перед полицией, — говорит Лариса. — Пришли сюда — как будто что-то украли. Вот бы нам разметили места, как на автостоянке, чтобы мы чувствовали себя уверенно, никто нас не тронет. За стабильность мы готовы платить, допустим, по 50 рублей в месяц, — мечтает вслух Лариса. — Но вдруг задумывается: все ли потянут такую сумму?»

Надежда АНДРЕЕВА, соб. корр.
«Новой», Саратов
Фото **Матвея ФЛЯЖНИКОВА** —
для «Новой»

Кар-р-раул!

Ворон считать легче после отстрела

Каждый охотник желает знать, где сидят вороны. Нет, не фазаны, а именно вороны. Кто же вам будет платить за отстрел фазанов? А вот в Кильмезском районе Кировской области за 10 застреленных ворон дают сертификат на 300 рублей в один из здешних торговых домов. Дураком надо быть, чтобы такую добычу проворонить.

Объявленная акция называется «Стоп ворона!», а факт добычи «подтверждается парой вороньих лапок». Есть и дополнительный стимул, объявленный районным охотничьим обществом: три охотника, которые настреляют ворон больше всех, получают некие «серьезные призы». Что еще? Ну, наверное, кусочек сыра, выпавший из клюва вороны в момент выстрела, охотник может оставить себе.

Какой вред от вороны? Ворона может накаркать экономический кризис, повышение цен и пенсионного возраста, провал «Единой России» на выборах... В этом дело? Нет, ничего мы не понимаем. Оказывается, вороны уничтожают кладки других птиц. В частности, истребляют утиные кладки. И охотникам следует поубивать ворон, чтобы в дальнейшем была возможность поубивать побольше уток.

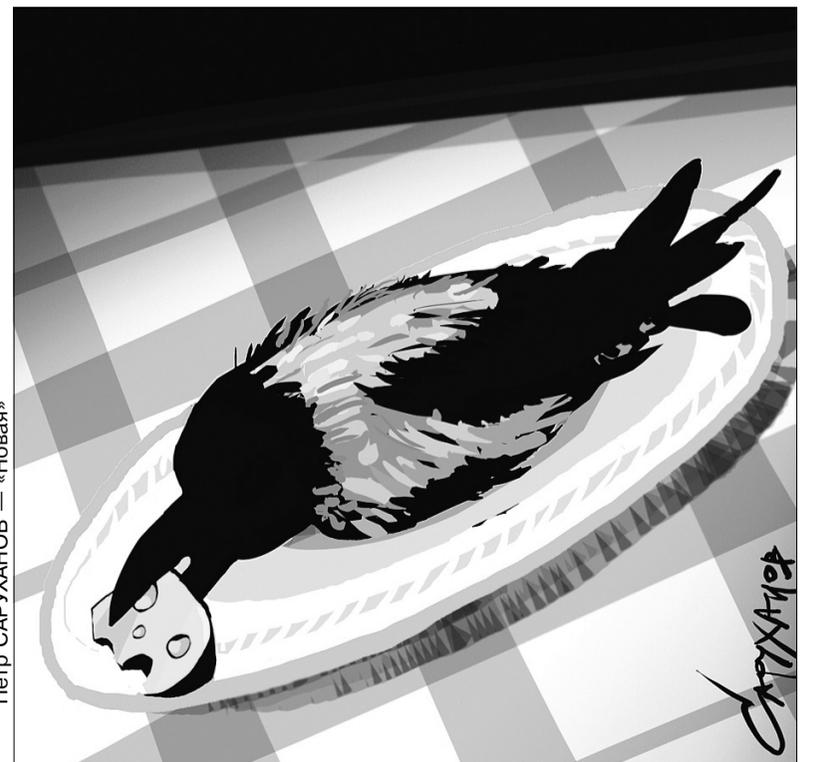
Что-то на Вятке никак не отрегулируют взаимоотношения вороны и человека. Помнится, однажды в Кирове привлекли к проблеме ученых. Заострили вопрос: птицы пикируют на мусорные ящики, извлекают из них в поисках пищи баночки и коробочки и разбрасывают их где попало — что делать? Образованные люди сосчитали городских ворон, и получилось 40 тысяч. И пришли к выводу, что скромный провинциальный город вполне может обойтись 5–6 тысячами. Не Москва все-таки!

Осваивая выделенные городом средства, ученые начертили таблицы, где учли пернатых по половым признакам, возрасту и даже упитанности. Определили излюбленные места их ночевки, этикетки вороны слободки... И что тут началось! Приведу яркую и увлекательную цитату из одной газетной публикации: «И началось ночное патрулирование с хлопушками, сигнальными ракетами, а также с трансляцией через динамики записанного на птичьем языке крика бедствия. Точный перевод с вороньего тут привести не удастся, но смысл магнитофонной записи примерно такой: «Че это мы тут сидим, когда Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Житкова проводит плановое мероприятие по регулированию численности популяции врановых птиц? Летим отсюда куда-нибудь в Воронеж!»

Кто это так здорово описал ситуацию? Ба, да это я сам! 21 год назад! С тех пор много раз бывал в Кирове — вороны там до сих пор безответственно сидят на ветках, даже на железнодорожных. Надо бы съездить в Воронеж, посмотреть, что там у них. А еще надо спросить, не был ли кто в Магадане. Там решением мэрии официально запретили кормить голубей. Бросишь им хлебных крошек — штраф до 5 тысяч рублей. Об этом предупреждают специально установленные таблички. Прокуратура решение мэрии опротестовала и велела таблички демонтировать. Мэр города Юрий Гришан отстает свою правоту и заявляет, что голуби портят клумбы и гадят на скамейки и памятники. Интересно, а нельзя ли запретить кормить городских хулиганов, которые тоже портят клумбы и мусорят почище голубей?

Многие считают, что мы имеем право с птицами не церемониться. Мы, дескать, сами решаем, что лучше: синица в руках или 40 тысяч ворон на деревьях. Ну, конечно. Ведь человек — венец творения. Кто это сказал? Да сам человек и сказал. Не ворона же пришла к такому умозаключению.

Борис БРОНШТЕЙН, «Новая»

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Александр
ГЕНИС
обозреватель
«Новой»

1.

Сегодня индейцев в Америке примерно столько же, сколько евреев, — около шести миллионов. Первые у вторых находят немало общего, примеривая на себя судьбу после холокоста. И те, и другие справились с геноцидом и живут хоть и по-разному, да по-своему, но, даже попав в резервацию, не сразу об этом догадаешься.

Дома тут — как во всей небогатой Америке, только совсем без цветов в палисаднике, маленькая церковь, школьный стадион и рекламный щит, отчаянно призывающий к трезвости. Магазин, как сельпо, торгует необходимым, но лишь для туристов: резиновый томагавк, бумажный бубен, нейлоновое лассо, и все сделано в Китае. Зато здесь продают самые дешевые сигареты. Табак — индейское изобретение, и на территории резервации не облагается такими зверскими налогами, как в остальной Америке. Индейские племена обладают суверенитетом и с США заключают договоры как с иностранным государством, настаивая на своих порядках. В Коннектикуте я был в большой резервации, где закон представляет не штатная, а местная полиция. Форма у них обычная, но на погонах — лисьи хвосты, тотем племени пекодов.

Отвовав свободу от пуританской федеральной власти, индейцы используют ее для наживы, открывая на своей земле казино. Иногда это выглядит пугающе: в чистом поле (прерии) стоит бетонная коробка, ослепленная неоновыми огнями. Пестрое убежище порока собирает изголодавшихся по азарту окрестных пенсионеров, которым Лас-Вегас не по карману. Прибыль от игорного бизнеса делится на все племя поровну.

Труднее всего ее не пропить. Однажды меня занесло в индейский городок на том дальнем краю Аризоны, откуда дорога ведет лишь в Долину Смерти. Цивилизацию исчерпывали магазины с алкоголем и ломбарды с фамильной бирюзой. Правда, у наглухо заключенного кинотеатра висела ободранная афиша, обещавшая показать оперу «Волшебная флейта», но я ее не дождался.

Других индейцев, из племени ленапи, я не застал, но мне довелось 15 лет жить возле исторического пня тюльпанового дерева. Под ним голландский негодник Питер Менуит купил остров, который они называли Манхатта. Все, а особенно те, кто снимает здесь за бешеные деньги жилье, думают, что индейцев грубо облопошили. Сами они так не считали, ибо верили, что землю нельзя купить, потому что она принадлежит сама себе и является нашей матерью. К тому же, каменистая и болотистая почва острова ни на что не годилась, кроме сбора устриц, которые в изобилии жили в извилистом ручье, ставшем Бродвеем. Взамен сомнительных прав на Манхэттен индейцам досталось бесценное сокровище, служившее валютой на всем континенте. Это были стеклянные бусы, да еще венещианской выделки: красные, зеленые, голубые и многоцветные (millefiori). Таких не было ни у кого во всем Новом Свете. Честно говоря, мне индейцев легко понять, я-то помню, чем для нас были американские джинсы «Ливайс» и итальянские плащи-болоньи.

Однако для того, чтобы познакомиться с живыми индейцами, причем там, где они похожи на себя и Гойко Митича, изображавшего вождя краснокожих в гэдээ-

Reuters

Пау-Вау

Как играть в индейцев

ровских вестернах, надо отправиться на замыкающий лето фестиваль — пау-вау.

2.

Этот индейский праздник собирает аборигенов обеих Америк. Сюда съезжаются мексиканские майя, перуанские инки, канадские кри, с которыми я не раз ловил полярных шук, северо-восточные ирокезы и юго-западные пуэбло. Выходцы из разных стран, они говорят на никак не связанных между собой наречиях, но всех объединяет язык танца, непонятный только зрителям.

Индейская пляска — молитва ногами.

— Разговор с землей, — считают они, — самый надежный способ коммуникации с небом.

Собственно, молиться можно стихами или песней (например, гимном), а если прозой, то лучше на забытом, как санскрит, языке, понятном богам, а не нам с вами. Главное — попасть в ритм. Проникнув в тело, он управляет им, помимо сознания, и будит неведомые нам самим силы, которые вводят в транс, открывают личность и замыкают волшебный круг. Наплясавшись, вакханки раздирали зубами живого оленя, а индейцы излечивали все болезни, кроме тех, что принесли белые. У меня самого, когда я слушал в машине «Весну священную», лопнула шина, да еще на мосту.

Каждый отточенный веками индейский танец — кафедральный собор, в ко-

своей психики, мы воздействуем на окружающий мир.

Так вызывают дожди.

Так разгоняют тучи.

Так поддерживают космический порядок, который нуждается в нас не меньше, чем мы в нем.

Пау-вау позволяет ощутить резонанс коллективной души, стать сразу частью и целым, одним и многим, всем и никем. Для этого надо всего лишь вступить в круг. Кое-кто так и делает.

3.

Встав в круг, я старался поступать так же, как другие. Нельзя сказать, что у меня получалось ловко перебирать ногами, во время вскидывать руки, убедительно мотать головой и выдвигать остальные па сложной и монотонной пляски. Солнце палило, пять барабанщиков выбивали хитрый звуковой узор, круг двигался, как стрелка по циферблату, — так же медленно и неуклонно, и мне казалось, что это никогда не кончится. Тем более что в шортах и сандалиях, но без бус и перьев я чувствовал себя раздетым, словно футболист на балу.

Слева от меня плясал пожилой байкер в цепях и черной коже. Сменив мустанга на «Харлей-Дэвидсон», он остался таким же кровожадным, — если прочитать надпись на его куртке справа налево: REDRUM. Справа от меня самозабвенно танцевал вождь во всем прикиде: кожаные штаны, мокасины с бубенчиками и заимствованный у орлов убор — от макушки до копчика. Стараясь ни тому, ни другому не подвернуться под ноги, я упорно выколачивал из пыли фигуры, стремясь попасть в такт. Индеец из меня получался аховый, но я не оставлял надежды понять то, что было кристально ясно для нас всех не на заре истории, а задолго до нее.

Одни на пау-вау приезжают себя показать, другие — на них посмотреть, но мне хотелось еще и приобщиться. В детстве мы все играли в индейцев, но я не перестал и когда вырос, — если вырос, конечно. Парамонов меня упорно считает чеховским мальчиком Чечевицыным, который хотел сбежать в Америку, чтобы пить джин и слушать, как «земля дрожит, когда стадо бизонов бежит через пампасы». У него это не вышло, а у меня получилось. Я терпеть не могу джин и с бизонами встречаюсь только на кухне, приготавливая из них жаркое, но никогда не забываю, что живу у индейцев в гостях и часто норовлю примазаться.

Встреча с Новым Светом — центральное событие западной истории и художественного воображения. Удвоив мир, мы нашли себе реальную, а не вымышленную альтернативу, населенную аборигенами. Когда Колумб встретил их на Карибах, индейцы лежали в гамаках, курили сигары и ничего не делали, чем, в сущности, не отличались от нынешних курортников, если им посчастливилось добраться до Багамов, когда там нет урагана.

Одни видели в местных безжалостных язычников, другие — благородных дикарей, третьи, уже сегодня, — адептов экологической религии и пророков зеленой веры. И это значит, что мы все играем в индейцев каждый раз, когда сталкиваемся с вызовом принципиально другой культуры. На этом, кстати сказать, построена вся научная фантастика. Сюжет зависит от того, кто исполняет роль индейцев, — мы или пришельцы.

Бледнолицые всегда лепили себе образ индейцев, у них не спрашивая. Как тот московский профессор военных наук, с которым мне пришлось беседовать в прямом эфире:

— Россия, зная, что Америка сотворила со своими индейцами, — сказал он, — должна вооружаться до зубов, чтобы не повторить их судьбу.

Индейская пляска — молитва ногами. Разговор с землей считается самым надежным способом коммуникации с небом

Кто писал саундтрек к протестам этого лета?

Либо честные песни, либо давай, до свидания!

Влад Дюкшин — «Новая»

Все лето в Москве шли уличные акции, и все лето играла музыка. Музыка присутствовала в виде новых и старых песен, заявлений музыкантов, выступлений на митингах. Скандал с «шашлык-ингом», приезд Оксимирона в суд к Жукову, инстаграм Крида и Бузова на проспекте Сахарова — это на самом деле тоже про музыку, про то, какой она стала и кто в ней сегодня главный. «Как вы можете слушать музыку, когда такое творится?» — говорили посетителям фестиваля «Пикник-Афиши». Но без музыки мы бы, наверно, совсем пропали.

Саундтрек Болотной, если кто-нибудь еще помнит — «Дурдом», который голосует за Путина, в исполнении группы «Рабфак» и «Стены» «Аркадия Коца», ее распевали в автозаках и под окнами районных судов. Строчка «Давай разрушим эту тюрьму» и до сих пор актуальна. Плюс «Богородица» «Пусси Райот», ее, правда, никто не пел, попробуй такое спой.

Но главной русской протестной песней неожиданно оказался «Рок-н-ролл мертв», написанный совсем про другое. Помню, как 6 мая за пять минут до побоища на мосту, из колонок на всю площадь заиграло знакомое гитарное интро, голос запел: «Какие мрачные лица, быть беде...», и мурашки пошли по коже.

Саундтрек к страшноватой московской драме, фильму в духе «Полета над гнездом кукушки», где вместо медбрatьев полиция и ОМОН, писали другие люди: Нойз, Фейс, Обломов, «Порнофильмы», «Айспик»...

Многие спрашивают: почему молчит Гребенщиков? В этом вопросе — трогательная по-детски вера в Бориса Борисовича. Как будто он скажет: «Что же вы делаете, сволочи! Перестаньте!» — и они сразу же перестанут. На самом деле он не молчит. Он никогда не был склонен к прямым высказываниям, но тут даже его достало. Послушайте «Баста Раста»: *Администрация придется изменить свои пути,*

Потому что нас больше не отключить от Сети.

Потому что, как ни кувыркайся, — от себя не уйти.

А вода так мутна, что мутн — не мутн,

Неужели вы не слышите плесень в голосах?

Неужели не видите, как все идет нах?

Сто человек охраны —

страх, страх, страх.

Мрачный «рамштайновский» антураж, тяжелый индустриальный звук и хриплый голос, космически далекий от голоса человека, певшего когда-то про золотой город и голубое небо.

Другая его новая песня «Изумрудные дни» прозвучала этим летом в самом неподходящем для нее месте — на фестивале «Нашествие». БГ при всей сво-

Факт поразительный, если вспомнить два его последних альбома «Соль» и «Время N», мрачнейших, страшных, после которых и жить не хочется. Ощущение, что когда все уже пропало, он вдруг встряхнулся, встал и пошел в атаку.

Духоподъемных песен в протесте всегда было мало. Обличительных, злых — навалом. А вот про то, что все это

кого-то от участия в митингах. Кого-то все устраивает, кто-то выходит на улицу, чтобы напомнить о своих правах. Сделайте этот выбор сами. В этом весь смысл. Перемены наступают, лишь когда люди хотят этого искренно и готовы тратить на это свое время, силы, в том числе рисковать своей жизнью, а не выходят по чьей-то указке...

Важно помнить — не бывает ничего вечного: и режимы меняются, и диктаторы умирают, как и все люди, и вслед за самыми смутными временами всегда наступает оттепель. А значит, как бы нам всем сейчас ни было (...) и страшно за наше будущее, необходимо помнить и верить — когда-нибудь это точно пройдет.

А припев у песни такой: «Моя Россия сидит в тюрьме. Но верь же мне — это пройдет!». Да, хочется верить.

Но злых песен все-таки больше, и это тоже примета времени. Энергия 2012 года — энергия карнавала, добро победит зло, потому что иначе просто не может быть. Главный мотив 2019-го: мы против них, мы будем стоять насмерть и не уйдем, но шансов нет, и надеяться не на что.

Соцсети облетело видео Нойза с песней про Лёху:

*Лёха в детском сагу мечтал стать космонавтом
В камуфляжном скафандре — со щитом, автоматом,
Дубинкой — и бить гуманоидов.*

*Гуманоиды — враги,
гуманоидам не больно.
...Пришельцам — капут.*

*Пришельцы нам врут.
Пришельцы свои тянут щупальца
к нашей кормушке —
а значит, пришельцы умрут!*

Эта песня — диагноз. Точнее не скажешь. Летом 2019-го обе стороны, власть и протестующие, вели себя так, как будто принадлежат к разным биологическим видам. Логика власти — нечеловеческая. Это ощутил каждый, кто видел, как ведет себя Росгвардия на уличных акциях, или как судья недогнувшей рукой выписывает сроки за твиты и брошенные стаканчики. Так не поступают со своим народом. С пришельцами — да, возможно.

Ну и реакция соответствующая. У песни Нойза есть тэг: #мнеспециальнотведенныхместненадо. Это уже не логика диссидентства — соблюдайте свои законы, — а ровно наоборот: если вы не хотите соблюдать закон, то и мы не хотим. У людей с разных планет нет общих законов.

Музыка протеста сегодня — рэп. И это не только музыкальная мода. Слишком много надо сказать, накопилось.

Накопилось у Фейса, который, хоть и говорил на Сахарова о том, что главное — это мир, но спел нечто противоположное: «Залетаю в магазин, выпускаю магазин. У меня на это есть тысяча причин». А причины такие: «Я как минимум устал от картин на наших улицах. Нищета и Фемида богохульница». Такой рэп понятен даже бородачатым ветеранам протеста. Кстати, Фейс ответил за свой поступок. В Москве у него сняли афиши, в регионах отменили концерты.

Накопилось у «Кровостока», который там же исполнил знаменитый «Череповец»: «Череповец, Череповец. Россия — это холодец. Он из вас, и он из нас. Хрен, горчица, хлебный квас».

Появление «Кровостока» в протесте — это тоже симптом. «Кровосток» — группа, органически неспособная кого-то куда-то призвать. Это группа про то, что все пропало, жизнь проиграна. И когда такая группа выходит на сцену митинга, судите сами, какое настроение у людей. «Я возмущен произволом властей и полиции, я хочу быть со своими людьми, с москвичами», — сказал Шило в интервью. И это симптом. Наступил момент, когда стоять в стороне и делать вид, что ничего не происходит, нельзя. Надо идти к людям, быть с ними вместе, даже если ты немножко из другой оперы.

Накопилось у Обломова, записавшего песню «Дым»: «В дыму майор не разобрал букву закона, в дыму кружится автозак и хоровод ОМОНа». Монументальная метафора: дым обьял Россию, она в нем тонет, она задыхается. И удивительный клип: две с половиной минуты клубы дыма танцуют под Васин бит.

Накопилось даже у Крида и Лазарева, которые посочувствовали женщине, получившей удар в живот. Накопилось у Басты, который сказал в интервью жесткие слова о полиции.

Не накопилось у Бузовой, у Тимати, у Склера, у Галанина, у Сукачева. Но я думаю, скоро накопится и у них. Потому что нельзя никак не отнестись к тому, что произошло этим летом, и продолжать петь о любви, о погоде и прочих симпатичных вещах. Это не вопрос политических пристрастий и предпочтений. Когда в твоей стране происходит катастрофа такого масштаба, как сейчас, ты либо говоришь о ней, либо непонятно, зачем вообще тебя слушать. И тогда давай, до свидания. Кто-нибудь, разбудите Бузову!

Ян ШЕНКМАН,
«Новая»

«Наступил момент, когда стоять в стороне и делать вид, что ничего не происходит, нельзя. Надо идти к людям, быть с ними вместе, даже если ты немножко из другой оперы»

ей кажущейся благостности и мягкости опять идет против ветра:

*Случилось так, что мы не скот
и нам не нужен господин,
Когда у каждого своя неправда,
факт всё равно один...*

*Я не хочу быть камнем в вашей стене.
Я не хочу быть трупом в вашей войне.
Я не хочу маршировать*

в одном строю...

И развеселый проигрыш на саксофоне, как будто говорящий: «Ничего вы со мной не сделаете!»

когда-нибудь кончится, и мы все равно победим — почти нет. Редчайший пример — «Это точно пройдет» Владимира Котлярова из «Порнофильмов», написанная в разгар разгонов и задержаний. Котляров выложил ее в соцсетях 2 августа и сопроводил комментарием:

«Мы живем в очень сложное время. Думаю, уже каждый понимает, что Россия с каждой новой наглостью выходкой гопников, узурпировавших власть, еще глубже проваливается на дно. Не считаю себя вправе призывать или отговаривать

«Вышел на результат — дальше можно расслабиться»

Как «вбрасывать в последний момент» за нужного кандидата и не попасться. В Петербурге проводят инструктажи для избиркомов

На предвыборной неделе членов УИК инструктировали, как, не привлекая внимание наблюдателей, «помочь» нужному кандидату. Запись одного такого инструктажа оказалась в распоряжении «Наблюдателей Петербурга» и «Новой». Сделана она в помещении одного из УИКов Приморского района города.

— Молодой человек лет 30 пришел в нашу комиссию где-то в полдень 1 сентября, — рассказал источник «Новой». — Мы дежурили, сидели в классе школы. Там же находятся еще три УИКа помимо нашего. Этот человек зашел к нам, поздоровался со всеми за руку. Кто он — не знаю, мы не слышали, чтобы председатель его представила. Потом мы пошли на тренинг в другой класс. Занятие продолжалось около часа. Присутствовали человек десять — члены всех четырех УИКов. Не скажу, чтобы на членов комиссии все это произвело какое-то сильное впечатление, так — обычный тренинг. Были только вопросы насчет безопасности.

Лектор — бодрый мужчина с голосом американского миссионера. Посреди семинара одна из слушательниц взволнованно спрашивает: как же, мол, делать это все, если кругом видеокмеры? Это, говорит лектор, как раз не проблема.

— Центризбирком и все остальные могут выдать для перепросмотра видео только по решению суда, — отвечает он взволнованной слушательнице. — Решение суда — это жалоба в Горизбирком. Обоснованная. Все жалобы будут отбиваться. Мы в прошлый раз все подстраховали. В этот раз мы тоже подготовились, но, я думаю, что это будет и не нужно. Главное — то, что видят наблюдатели.

За последние годы скандальные наблюдатели выучили много избирательных технологий и наловчились мешать комиссиям. Но и политтехнологи не дремали — и наловчились мешать наблюдателям. Тем более что на предстоящих выборах, замечает бодрый мужчина, работать будет проще, чем на президентских. Тогда-то стояла задача «50/70» (явка/результат).

Теперь такой высокой планки нет, главное — 50% плюс один голос. Организовать «задел» оратор предлагает с помощью надомного голосования. При этом ходить с урнами только к тем, кто сам подал заявление, не надо, это по-другому делается.

— По надомному эти списочки возьмете, — указывает он целевому УИКу на подготовленные листы. — Исходя из явки, смотрим максимальное количество: можем мы обработать положенное или не можем. Выбираем самых пожилых.

Есть небольшая вероятность, замечает лектор, что наблюдатели «побегут проверять, голосовали или нет» на дому эти «самые пожилые».

— Не хотелось бы, чтобы сделали [звонки] по несуществующим квартирам, — предупреждает он. — Мы предполагаем, что этого не будет, и они не поймут. Но телефоны лучше брать реальные.

Если надомное голосование решило проблему, продолжает оратор, дальше можно сидеть спокойно, потому что «мы свой процент сделали уже». Но «надомников», предостерегает оратор, не должно быть слишком много. Максимум — 10–15%. А может статься, что на каком-то участке этот трюк и вовсе не получится.

— Если мы на надомное отправить не можем, значит, все делаем на подсчете, — переходит оратор к главному. — Многие будут делать все именно на подведении итогов голосования. Если у нас результат не сделан, мы все делаем на подсчете. Мы, допустим, знаем уже, сколько вброшено. Или знаем, что все сделано уже на надомном голосовании...

По закону, напоминает он, вынутые из урны бюллетени (плюс пачки от «надомников») комиссия должна сначала рассортировать по фамилиям кандидатов с «галочкой», а потом подсчитывать количество листов в каждой пачке. Но для «правильных» итогов, наказывает лектор, лучше сортировать и считать одновременно.

— Мы должны разложить все по пачкам, а потом каждую пачку озвучить, — говорит он. — Но мы делаем это одновременно и из общей пачки.

Это, уверяет оратор, «не является нарушением закона». Если наблюдатели возмутятся, им нужно объяснить: дескать, часа полтора придется ждать сортировки.

Один член избиркома должен доставать из общей пачки бюллетень и вслух называть фамилию с галочкой. Другой — вести подсчет галочек.

— Готовьте двух людей — «чтеца» и «писаря», — учит лектор. — Все наблюдают за «чтецом» и замечают его «галочки». Что делает «писарь»? Даже если вы сказали «Амосов», он ставит галочку на «Беглов».

На особо неудачных участках может набраться много наблюдателей, и они будут успевать следить за всем. Тогда пачку следует разделить между несколькими парами «чтец — писарь».

— Если за вами наблюдают три, четыре наблюдателя, их много, то сколько у нас должно быть точек контроля? Несколько, — объясняет лектор. — Они («чтец» и «писарь»). — И. Т.) садятся в разных концах стола. Все устали, вымотались. Самые бойкие [наблюдатели] потеряли фокус внимания. Здесь должно быть все красиво.

«Красиво» — это значит произносить вслух и вносить в протокол как условного «Беглова» каждого, например, второго условного «Амосова». Здесь важно получить нужный результат, но не переборщить. Скажем, на конкретном участке, исходя из явки и с учетом «надомников», требуются 300 голосов за Беглова. «Чтец» должен все время держать в голове целевую цифру. Поэтому на его роль необходимо взять «самого опытного и хладнокровного» члена комиссии. Например, это может быть председатель.

— «Писарь» может сидеть рядом с вами, писать цифры: 55, 56, 57, — советует лектор предполагаемому «опытному и хладнокровному». — Вы произносите — и смотрите, сколько он пишет. Вышел на 300 — все нор-

Александр РЮМИН / ТАСС

мально, результат достигнут, дальше можно успокоиться.

А можно, предлагает лектор, вообще придумать контрольную фразу, после которой все могут и расслабиться, и считать по-честному.

— Самое главное — потренироваться, как это все делается, — уверен лектор. — Как называть фамилии, как четко галочку ставить, как вы это называете, как вы подводите число итоговое. К какой цифре стремитесь. Какая фраза контрольная для вас станет сигналом. Это вам надо договориться. «Писарь» с «чтецом» должны договориться, кто в этой паре контрольное звено. А я даю механизм.

Таким образом, подытоживает оратор, наблюдатели просто физически не смогут уследить за тем, как идет подсчет, и сверить записи с итоговыми протоколами. В конце концов, часам к двум ночи наблюдатели уже тоже устанут, захотят спать, им будет не до наблюдений. Хотя можно и подстраховаться заранее.

— Очень многие... Ну, не многие, но целый ряд комиссий — они договариваются со своими наблюдателями, — рассказывает лектор. — У наблюдателей есть своя задача. Они пришли сюда либо идейные, либо за деньги. Мы спрашивали, сколько стоит их смена. Как правило, 3–4 тысячи рублей. Больше никто не платит. За эти 3–4 тысячи рублей они должны

отсидеть весь день, участвовать в подведении итогов и занести в протокол. Кто-то с камерой сидит, остальные — по обстановке. Подойдите к человеку и скажите: слушай, вот я тебе пять тыщ даю, иди спокойно отдохни, вечером приходи за протоколом, мы тебе его дадим.

Деньги на эти благородные цели, сообщает оратор, предусмотрены в «общем бюджете комиссии».

— Он достаточен для того, чтобы с самыми скандальными попытаться договориться, — уверяет лектор.

Самая противная категория наблюдателей — так называемые идейные.

— Если видите, что они идейные, они пришли командой, они друг друга поддерживают, в таком случае нет смысла договариваться, — вздыхает оратор.

Тогда все просто и без изысков: комиссия, советует лектор, коллегиально принимает решение не удовлетворять всяких незаконных требований. И нечего тут.

— Еще раз, — повторяет лектор напоследок. — Подведение итогов — это самый благодатный момент. Вы спокойно выйдете на результат, какой вам надо.

Ирина ТУМАКОВА,
спец. корр. «Новой», Санкт-Петербург

ИНТЕРПРЕСС

Прокатил с заботой

Врио губернатора Петербурга Александр Беглов не открыл три новые станции метро, которые обещал запустить петербуржцам 5 сентября

Ростехнадзор накануне не дал разрешения на ввод в эксплуатацию «Дунайской», «Проспекта Славы» и «Шушар» из-за серьезных недоделок: на 1 сентября их насчитывалось более сотни. Новую дату открытия долгожданных станций пока перенесли на две недели.

На станции метро «Дунайская» в ночь на 5 сентября кипела работа: около 100 человек, в том числе монтажники, электрики, дорожные рабочие, трудились на улице у вестибюля. Спускался и поднимался тоннельный отряд. К полуночи у входа в метро были еще не заасфальтированы свыше 200 метров дороги, не переложены некоторые электросети, не подключены светофоры, не установлены дорожные знаки. К рабочим приходили жены, приносили воду, еду и одежду на ночь.

Как стало известно «Новой» из собственных источников, к утру четверга Метрострой и Смольный не получили необходимых разрешительных документов на запуск трех станций Фрунзенского радиуса. Несмотря на это, торжественную церемонию открытия никто не отменил. С рассвета 5 сентября о главной новости северной столицы сообщали информагентства и телеканалы. Беглов вместе со спикером петербургского ЗакСа Вячеславом Макаровым и генеральным директором Метростроя Николаем Александровым к 11 часам прибыл на «Проспект Славы». Осмотрел

станцию. Поехал к «Шушарам». И там, прямо в ходе церемонии, врио вдруг передумал открывать все три станции для пассажиров, оставив опешившими сотни горожан, ждавших этого момента у входа в вестибюли с 8.30 утра, а по большому счету — около пяти лет.

Жителям пригорода Колпино, надеявшимся на запуск «Шушар», не повезло больше, чем петербуржцам. 3 сентября Пассажиравтотранс объявил об открытии нового автобусного маршрута № 330 Колпино — ст. м. «Шушары». Планировалось, что в рабочие дни по нему будут курсировать 10 автобусов (с интервалами 11 минут — в утренний час пик, 12–15 минут — в вечерний), а в выходные — 6. Кроме того, заезд к «Шушарам» включили в маршрут автобуса № 197.

Как рассказали «Новой» работники колпинского автопарка, утром 5 сентября из Колпино к метро «Шушары» приехали четыре шаттла с людьми. Напорившись на закрытые двери станции и заявление Беглова, жители пригорода опоздали на работу и по делам. Между тем за первыми утренними автобусами шли следующие. Среагировать на ситуацию и приостановить работу маршрута № 330 Пассажиравтотранс смог только к часу дня.

«Все три станции готовы и работают в тестовом режиме, — заявил, выступая перед прессой, Александр Беглов. — Все сделано для того, чтобы в штатной ситуации метро работало безопасно. Однако во внештатной ситуации могут быть проблемы. Я принял решение продолжать тестовый режим метро, довести

все необходимые системы. Безопасность жителей важнее. Пока будем работать без пассажиров».

Приближенные к администрации города СМИ быстро переименовали событие: ранее анонсированное «открытие новых станций метро» в минуту превратилось в «окончательную проверку проведенных работ». Нужна ли была такая проверка, если с 1 по 5 сентября кардинальные проблемы не решены?

Так, на станции «Дунайской» (из трех готовящихся к сдаче самая отстающая) из-за задержек с поставками оборудования до сих пор не запущены траволаторы, имеются сложности с отделкой, монтажом системы дымоудаления и проч. Подчеркнем, по информации Ростехнадзора, замечания, требующие обязательного устранения, сегодня есть ко всем трем станциям. Многие из них касаются систем безопасности. Не знать об этом первое лицо города не могло — не имело права.

«Если Беглов решил не открывать станции, значит, нет разрешения Ростехнадзора, без него нельзя перевозить пассажиров, — прокомментировала «Новой» начальник службы по связям с общественностью ОАО «Метрострой» Екатерина Гигиняк. — Недоработки еще имеются».

Судя по недавнему опросу в соцсети ВКонтакте, большинство петербуржцев (свыше 70%), наблюдая за процессом, не верили в то, что станции Фрунзенского радиуса достроят к сентябрю. Сроки их сдачи с 2014 года (с момента заключения городом контракта с Метростроем) сдвигались неоднократно: с лета 2017 на декабрь 2018 года, затем на апрель 2019-го, после — на июль и на сентябрь. Про катастрофическое отставание от графика, недофинансирование, недопоставки оборудования знали и подрядчик, и заказчик. Летом Смольный продлил Метрострою контракт на строительство станций до 25 декабря 2019 года. Но после этого и сам Беглов, и его заместители не раз говорили, что все работы нужно выполнить до 31 августа. В ответ гендиректор Метростроя Николай Александров неустанно подтверждал готовность ввести объекты к 1 сентября.

Тем не менее 9 августа, во время очередного объезда строящихся станций, Беглов публично подстраховался, сказав: «Задача поставлена в сентябре открыть все станции... Но мы строим метро не для отчетности или к какой-то дате, а для людей, которые ждут от метрополитена комфорта и безопасности. Гнаться за сроками мы не будем».

Он и не погнался. Просто не смог отказать себе в возможности устроить очередное показательное выступление кандидата в губернаторы на тему «забота о горожанах». Помочь Беглову утвердиться в роли заботливого градоначальника поспешил начальник Петербургского метрополитена Владимир Гарюгин:

«При любом пуске бывают доработки, — объяснил он 5 сентября журналистам. — Инженерные системы успели отработать внутри себя, но не успели в комплексе. Я считаю, что Александр Беглов совершил непростой поступок, который говорит о силе его характера. Даже в непростую предвыборную ситуацию он больше всего заботится о жителях».

По словам Гарюгина, сроки открытия трех новых станций фиолетовой линии перенесются не более чем на две недели. А Беглов пообещал, что после сдачи станций в связи со срывом сроков по метростроевским контрактам будут приниматься кадровые решения.

Нина ПЕТЛЯНОВА

СПРАВКА НОВОЙ

Строительство трех новых станций участка Фрунзенско-Приморской (фиолетовой) линии петербургского метрополитена ведется с 2014 года. На сегодняшний день его стоимость достигла 33,99 млрд рублей. Генеральным подрядчиком выступает ОАО «Метрострой».

Ожидается, что станции «Проспект Славы», «Шушары» и «Дунайская» улучшат транспортную доступность активно развивающихся территорий Пушкинского и Фрунзенского районов, а также дополнительно свяжут южные пригороды Петербурга. Пропускная способность участка составит 40 пар поездов с 8 вагонами в час. Предполагаемый суточный объем пассажирских перевозок на первый период эксплуатации — 997 тысяч человек

В это невозможно поверить

«Оперативник крутил в руках шило и требовал подтвердить, что мой муж планировал госпереворот». Жена Дмитрия Пчелинцева выступила в суде свидетелем защиты

В Пензе возобновилось рассмотрение дела «Сети»*. Сторона обвинения завершила представление своих доказательств в августе, теперь настал черед защиты. Первым ее свидетелем выступила жена подсудимого Дмитрия Пчелинцева, 25-летняя Ангелина.

Сразу после его задержания и обыска в их квартире (27 октября 2017 г.) Ангелине позволили и велели прийти в УФСБ — якобы супруг желает, чтобы она присутствовала при допросе. Но никакого допроса не проводилось, в кабинете ее ждали два сотрудника, включая уже знакомого по обыску оперуполномоченного Вячеслава Шепелева (*о пытках с его участием заявят затем и Дмитрий Пчелинцев, и Илья Шакурский*).

— Они требовали подтвердить, что мой муж — опасный преступник, планировавший государственный переворот, — показала в суде Ангелина. — Грозил пожизненным сроком. Шепелев все это время многозначительно крутил в руках шило. Потом зашел еще один сотрудник, он был зол, что Пчелинцев не дает признательных показаний (*тогда он воспользовался 51-й статьей Конституции*), и сказал: чтобы начали говорить, «нужно просто выстрелить кому-то в ногу».

— Вы подтвердили то, о чем вас просили? — спрашивает адвокат.

— Нет, это никак не связано с реальностью, такое невозможно подтвердить.

— Какой-то документ составлялся по итогам этой встречи?

— Нет.

Потом будет еще одна никак документально не оформленная встреча — Шепелев вызовет супругу Пчелинцева в управление, пошлав сообщение в мессенджере. Ей разрешат принести чистую одежду для Дмитрия и забрать ту, в которой он был задержан.

— Она вся была в крови.

Ангелина плачет.

— Эта одежда сохранилась? — уточняет судья.

— Да.

Муж переодевался при ней, Ангелина увидела на его теле синяки и ссадины. Дмитрий рассказал, что его постоянно истязают и он боится, что не выдержит больше. Что оперативники угрожали сделать то же самое и с Ангелиной. Пы-

таясь ее уберечь, соврал, будто жена беременна. А они, говорит, ответили: отправим ее в колонию, а там беременных насилюют в два раза чаще.

Геля уговаривала Диму не отчаиваться и продолжать отстаивать свою невиновность. На что он сказал: они угрожают, что убьют меня и выставят это как самоубийство, если не перестану упираться.

Но родные решились обратиться к правозащитникам и журналистам. 8

февраля 2018 г. Пчелинцев сделает заявление о пытках; через день они возобновятся.

Из адвокатского опроса Дмитрия Пчелинцева:

...Третий все время упирался мне коленом в грудь, сжимал мои гениталии до такой степени, что в глазах белело. «С женой твоей что будем делать? Пусть для начала таджики толпой изнасилуют, раз болтливая такая. В какой страйкбол вы играли? Ты враг и террорист. Вот в чем правда. И к тебе никто не приходил». Я все повторил. «Жену в расход? Или найдешь слова, чтобы она поняла?» Я ответил, что найду точно. На вопрос «Что с ней сделать, если не поймет?» я не ответил. Мне сказали после еще пары ударов током: «Возвращаешь показания, говоришь, про пытки врал. Дальше будешь делать, как скажет следователь. Пока-

зывают на белое, говорят черное — ты говоришь черное. Отрезают палец и говорят съешь — ты его ешь».

После, когда Диму привезут в областной суд на продление меры, он отчетливо вспомнит каждое из тех слов, когда увидит в зале Шепелева, усевшегося рядом с Ангелиной.

— Еще раз мне разрешили встретиться с мужем 14 февраля, в присутствии следователя Токарева. Это было уже после того, как мы обратились к СМИ, поняв, что иначе Диму не защитить, — продолжила свои показания Ангелина. — Дмитрий был в футболке, на руках — следы в виде красных полос, на лице ссадины. Он попросил не общаться с правозащитниками и СМИ. Следователь говорил, что мы неправильно понимаем определение терроризма, теперь нужно усвоить правильное его толкование.

Бракосочетание Дмитрия и Ангелины Пчелинцевых

« С женой твоей что будем делать? Пусть для начала таджики толпой изнасилуют, раз болтливая такая! »

Я спросила у Димы, как же он мог сознаться в совершении преступления, если не понимал его сути. На этом наша встреча закончилась.

Защита просит свидетельницу вспомнить обстоятельства обыска в квартире и автомобиле Пчелинцева. С ее слов, участвовали двое понятых и около восьми сотрудников ФСБ, один из которых просил не вносить его данные в протокол. «Высокий, с зальсиной, — опишет его Ангелина, — после я видела его мельком в здании ФСБ».

Этот протокол уже оглашался в заседании, и защита тогда обратила внимание, что в нем перечислены пять участников следственных действий, но стоят подписи только четверых.

В квартире ничего запрещенного не оказалось. А их «десятка» недели две как была не на ходу — сломалась, стояла без сигнализации рядом с домом. Машину, поясняет свидетельница, открыли ключами проводившие обыск сотрудники и через какое-то время объявили, что обнаружили две гранаты и запалы к ним. Дмитрий сразу сказал, что это не его — подбросили.

Эту реплику Пчелинцева и то, что машина была без сигнализации и ее открыли ключом, подтвердила и допрошенная ранее в суде понятая — студентка юрфака ПГУ Виктория Герасимова. Она

* Организация признана террористической и запрещена на территории РФ.

показала, что двое сотрудников, задержавших Пчелинцева, не участвовали в обыске его квартиры, а все это время оставались снаружи — «наверное, были в машине». При осмотре автомобиля, настаивала Герасимова, понятые (она и еще одна студентка юрфака) постоянно следили за всем происходящим. Когда силовики разобрали заднее сиденье, отогнув ось крепления и подняв нижнюю его часть, под ней обнаружили примотанные проволокой гранаты, — излагала Виктория. Однако конструкция сидений в «десятке» совсем не такая, как в привычной ей иномарке: нижнюю часть нельзя поднять автономно, все сиденье просто вынимается целиком. Из чего можно предположить, что понятая в действительности не следила за ходом обыска.

По словам Ангелины, при осмотре машины их с мужем оставили примерно в паре метров от автомобиля, а понятые стояли на расстоянии трех-четырех метров и о чем-то мило болтали с сотрудниками ФСБ (Пчелинцев на суде говорил, что слышал, как те обсуждали, нет ли каких проблем по учебе, обещая помочь их решить).

Герасимова признала, что специалистом найденные под сиденьем гранаты не осматривались (его подписи в протоколе нет). Поясняя, почему на приложенной к протоколу фототаблице изображена лишь одна граната и запалы, Герасимова предположила, что сотрудники взяли и переместили вторую, чтобы сфотографировать. Были ли они в перчатках или нет, не помнит (*судебная экспертиза на этих изъятых предметах не обнаружит вообще никаких отпечатков пальцев и биологических следов*). При этом на снимке видно, что граната лежит непосредственно на бензобаке, а не закреплена проволокой под сиденьем, как показывала Герасимова. Подписей понятых под фототаблицей нет, только следователя Токаркева.

Отвечая на вопросы адвокатов, Ангелина Пчелинцева рассказала об увлечениях и окружении своего мужа: был участником музыкальной группы, с которой они вместе ездили по разным городам; ходили в походы, играли в страйкбол. Игры эти, подчеркнула свидетельница, были открытыми — в них участвовали многие жители Пензы, их количество варьировалось, иногда следовали какому-то игровому сценарию, иногда нет, от случая к случаю велась съемка — фото и видео, ничего секретного не было, маски использовали исключительно для защиты. О «5.11» (*по версии обвинения — название одной из групп терсообщества «Сеть»*) знает как о марке экипировки, популярной среди любителей страйкбола. Говоря о подсудимых, Ангелина пояснила, что с Ильей Шакурским у Дмитрия были натянутые отношения, виделись редко, а за несколько недель до задержания «у них была ссора и драка». С Куксовым впервые увиделись только в суде. С фигурантом питерского дела «Сети» Игорем Шишкиным Пчелинцев не общался — тот был знаком с ее другом, пензенцем Анатолием Уваровым (свидетель по делу), который рисовал принты, вместе они воплотили общую идею создания бренда спортивной одежды «Сила воли». С Арманом Сагынбаевым познакомились в 2011-м на концерте в Москве, потом встретились в Пензе — на страйкбольной игре. По оценкам Ангелины, всего с 2015 года таких игр было не больше 15.

Заседания по делу «Сети» в Пензе продолжатся 10 сентября.

Татьяна ЛИХАНОВА

«Чтобы Голод встал перед глазами читающих»

В Музее политической истории накануне 8 сентября — Дня памяти о начале блокады Ленинграда — открылась выставка «Люди хотят знать»

Экспозиция создана Фондом сохранения и популяризации наследия Даниила Гранина при поддержке Центрального государственного архива литературы и искусства и посвящена 40-летию выхода в свет «Блокадной книги» Алексея Адамовича и Даниила Гранина, 75-летию полного снятия блокады Ленинграда и 100-летию Даниила Александровича.

«Люди хотят знать» — эти слова когда-то были вычеркнуты из «Блокадной книги» цензором. Выставка, кураторами которой стали Марина Чернышева-Гранина и писательница, редактор и издательница блокадных дневников Наталия Соколовская, о том, как создавалась книга, о том, как непросто ей было дойти до читателей, о пути от замысла до воплощения, до полного ее издания в 2014 году, до речи Гранина в том же году в Бундестаге, до выхода на немецком языке.

Книга Гранина и Адамовича стала проводником в мир блокадного человека, таким честным и вместе с тем любящим и открытым, что теперь невозможно представить знание о блокаде без этого текста. Хор голосов, как в античной трагедии, зазвучал именно с ее страниц. Но как затыкали рот этому хору! Как решали — что печатать, что вымарать, где и когда издать.

На выставке очень много текстов — Наталия Соколовская, автор идеи больше полугодом провела в ЦГАЛИ, изучая архив Даниила Гранина, в котором 2276 дел! Соколовская скомпоновала все так, чтобы мы увидели замысел, о котором Алексей Адамович писал в самом начале работы над «Блокадной книгой»: «Чтобы Голод встал перед глазами читающих, как никогда и нигде не вставал... Вот тогда и сработают главы, что человек мог оставаться и оставался человеком даже здесь».

Адамович к тому времени уже создал вместе с Янкой Брылем и Владимиром Колесником книгу «Я из огненной деревни», где звучали голоса жителей сожженных нацистами белорусских деревень. Именно партизан Адамо-

вич обратился к фронтовику Гранину с идеей написать о блокаде. История об осажденном городе и его жителях должна была стать такой же народной книгой. Писатели ходили по коммуналкам, где жили большинство ленинградцев-блокадников и где комнаты еще хранили следы войны — следы от буржуйки на старом паркете, шрамы от осколков на мебели или на стене. Так «Блокадная книга» дала право и голос, стала для блокадников и сильнейшей психотерапией: то, о чем молчали, они смогли проговорить, высказать.

Но далеко не сразу это стало возможно прочесть. 2 апреля 1978 года Адамович пишет: «Но пока стенка вокруг нашей первой книги чувствуется. Кто ее архитектор и сколько их — время просунит. Ладно, за стенкой даже лучше работается — больше сосредоточенности!»

Кто был «архитектором» стены, авторы выставки показывают подробно.

«Судьба «Глав из Блокадной книги» (название журнального варианта) решалась в ЦК КПСС, — рассказывает Соколовская. — Публикация части первой должна была состояться в № 7 и 8 журнала «Новый мир» за 1977 год, однако была остановлена отделом пропаганды ЦК КПСС по записке из Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (гриф «Секретно»). Спустя полгода, в № 12 «Нового мира», вышел фрагмент книги с цензурными правками и изъятиями. В 1979 году в издательстве «Советский писатель» тиражом 30 тысяч экземпляров вышла подвергнутая цензуре ее первая часть. Только в 1981 году в № 11 журнала «Новый мир» появилась давно готовая к публикации часть вторая». Но еще будет 1988 год и № 2 журнала «Знамя», где будет напечатана «Запретная глава» книги, а в 1994 году выйдет уже в Петербурге небольшим тиражом в 15 тыс. экземпляров «Блокадная книга» с новой главой — «Ленинградское дело». А через 20 лет — первое полное издание, до которого успел дожить и сам Даниил Гранин».

На выставке мы увидим и школьника Юру Рябинкина (от его записки в блокадном дневнике «А я хочу так страстно

жить, верить, чувствовать» до разбегавшихся кривых строчек умирающего мальчика: «Где мама? Где она?»), ученого-архивиста Георгия Князева, маму двоих детей Лидию Охапкину, которая писала, как ее маленький сын в смертельное время просил не закрывать печку — чтобы угореть и умереть всем.

Мы увидим рисунки блокадных художников, показывающие жизнь города, — их предоставил специально для выставки музей «А музы не молчали». Увидим и рисунки юного блокадного художника: вот разорвалась шрапнель, вот грузят на машину мертвых, вот стоят в очереди. Саперный переулок, 6, — этот дом на рисунке изображен подробно. И сейчас, спустя семь с половиной десятилетий, мы можем прийти сюда и... помолчать.

«...Сколько уже написано книг, сколько снято кинофильмов, но при этом еще никто и никогда не написал то, что Вы — как жили и как умирали в блокаду... И даже уверенности не было, что это когда-нибудь найдет выражение», — написала после выхода книги блокадница, дочь репрессированного маршала Зоя Васильевна Блюхер.

Наталия Соколовская собрала в Сети и отзывы современных читателей:

«Для меня эта книга о том, какой беспощадной может быть жизнь...»

«Эта книга ужасна! Она вызывает боль в душе и ужас!»

«Я понимаю, почему эту книгу запрещали выпускать раньше. Потому что это, к сожалению, в нашей крови — замалчивать страшную правду».

«Пожалуйста, выпустите эту книгу снова! Прочитала в электронном варианте. Хочу в бумажную — домой, для детей».

«Полагаю, что эта книга о прошлом может изменить настоящее».

Выставка в Музее политической истории России продлится до 29 сентября.

Галина АРТЕМЕНКО

ПЕТЕРБУРЖЦЫ ПРОЧТУТ ИМЕНА ПОГИБШИХ В БЛОКАДУ

Традиционная акция памяти пройдет на городских площадках в воскресенье, 8 сентября.

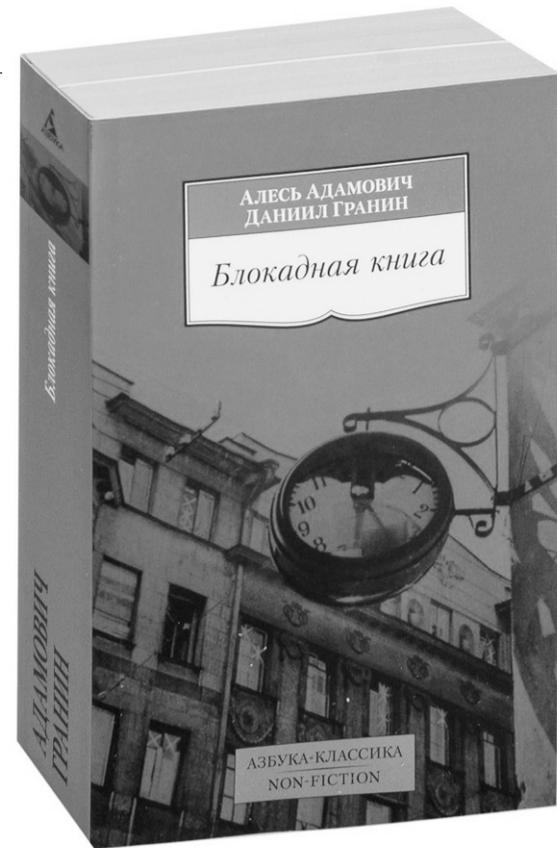
Организатором мемориальных чтений выступает инициативная группа «Комитет 8 сентября» во главе с писателем и публицистом Львом Лурье. Желающим принять участие в акции предлагается пройти регистрацию на официальном сайте про-

екта. На любой из площадок можно будет прочесть имена своих близких или другие имена из списков, которые предоставят организаторы.

«Комитет 8 сентября» призывает петербуржцев участвовать в Дне памяти жертв блокады Ленинграда — в этот день, 8 сентября 1941 года, блокадное кольцо сомкнулось вокруг города на долгих 872 дня, — говорится в обращении на сайте проекта. — Прочитать списки погибших во дворах жилых домов, школ, учрежде-

ний, в офисах и на городских площадках может любой желающий».

Ранее «Комитет 8 сентября» запустил мобильное приложение «Блокада. Имена», в котором биографические данные и адреса более 350 тысяч погибших в блокаду ленинградцев представлены на карте современного города. С помощью приложения можно узнать фамилию, имя, отчество, годы жизни, а также место захоронения конкретного человека.

И ведь не скажешь, что старый телевизор (в отличие от нового, который теперь живет на YouTube) совсем никак не отозвался на 15-летие бесланской трагедии. Отозвался. В новостях на большинстве федеральных каналов коротко напомнили, как страшно это было.

**ТЕЛЕНЕДЕЛЯ
С ИРИНОЙ
ПЕТРОВСКОЙ**

«Какие-то люди снимают какие-то фильмы»

На государственном ТВ призвали сажать в тюрьму авторов независимых расследований о Беслане

лось по давно накатанным рельсам — через Украину в Сирию и до британских морей. Поздно ночью на канале «Россия» в бой пошла тяжелая пропагандистская артиллерия в лице Владимира Соловьева и Маргариты Симоньян. В бой со «всякой мерзостью, которой мы позволяем поднимать голову и де-факто оправдывать терроризм». Тут у Соловьева образовался, по его

признанию, ком в горле, и он предоставил слово Маргарите Симоньян, чьи кадры из бесланских репортажей до сих пор рвут Соловьеву «сердце на части» (вытирает выступившие слезы рукавом френча).

«А уж как они мое сердце рвут, — вступила она (правда, сдержав слезы). — Я там была, мы работали с тобой... Когда сейчас на полном серьезе люди, которые не были даже в Минводах, не только в Беслане, люди, которые ни одной пули в своей жизни не видели, ни одной окровавленной руки оторванной в своей жизни не видели, пытаются рассказать, как на самом деле все было, у меня внутри поднимается настоящая ярость... Мы сейчас перед эфиром сидели, и я говорю: «Я не знаю, кто будет нам оппонировать, потому что я могу и глаза выцарапать (никто и не оппонировал, ничьи глаза не пострадали. — И. П.)... Люди, которые пытались спасти, теперь оказываются виноватыми. Как это можно вообще? И мы, Володя, это позволяем... Ничего страшнее и адвоев в нашей истории не было. Ну давайте, запомним это так. Ну что же на этом зарабатывать политические очки? Какое позорище!»

«Сегодняшние «охранители» защищают и задним числом выгораживают себя, врущая тогда о количестве заложников»

Да кто же, кто они — эти «так называемые (никак не называемые. — И. П.)» независимые расследователи, которые, по словам еще одного участника программы, журналиста Андрея Медведева, «каждый раз снова и снова убивают погибших в Беслане детей и людей, наглым образом перевирают историю, по большому счету действуя по лекалам, прочерченным Басаевым?»

Ответ на этот животрепещущий вопрос дал в самом конце политолог Семен Багдасаров, который не стал ходить вокруг да около, а честно рубанул правду-матку: «У нас есть статья 205 — оправдание терроризма. Скажи, фильм Дудь-Собчак, о котором ты говоришь (ни слова о Дуде-Собчак не было сказано. — И. П.), — это оправдание терроризма? Конечно, да! А почему уголовные дела не возбуждают? Почему их не сажают? Госпожа Латынина с «Эха Москвы», которая тоже, по сути, оправдывает теракт в Беслане, — почему она не сидит в тюрьме?»

Тут нам истопник (то есть политолог) и открыл глаза. Оказывается, те люди, которых они все с такой яростью клеймили, это «нарушители конвенции» Юрий Дудь и Ксения Собчак, посмевшие к 15-летней годовщине самостоятельно, когда их никто и не просил, снять и выложить в Сети свои фильмы. Плюс, конечно, «Новая газета» с фильмом «Школа номер один». И все эксперты во всех фильмах, излагавшие версию случившегося, резко противоречащую официальной: Елена Милашина, Ольга Алленова, Руслан Аушев. Это они, по мнению обличителей, «не были даже в Минводах, не только в Беслане, не видели ни одной пули», и это им депутат рекомендовал приехать в Беслан и постоять хотя бы две минуты!

И это именно ради отпора им и их расследованиям затеяли в старом ящике обсуждение разрывающей сердца Кузичева, Соловьева и Симоньян незаживающей рвоточащей раны. Их рана — это у кого надо рана. Их скорбь — самая настоящая. Их память — единственная правильная (характерная реплика: «Давайте запомним это так»).

А ведь на самом деле они, сегодняшние «охранители», защищают и задним числом выгораживают себя, врущая тогда о количестве заложников, и согласившихся потом играть по навязанным властью правилам, обслуживая ее, власти, интересы и игнорируя интересы общества, имеющего право на полную и честную информацию.

В фильме Юрия Дудя «Беслан. Помни» (более 9 миллионов просмотров за три с половиной дня) показали тот легендарный номер «Известий», после которого главный редактор Раф Шакиров лишился поста. Там я увидела и свою колонку, в которой 15 лет назад подробно описывала освещение бесланской трагедии государственными телеканалами. Называлась она «Молчание государственных».

Шли годы. Они заговорили. Лучше бы продолжали молчать.

Алина ДЕСЯТИЧЕНКО — специально для «Новой»

Редакторы номера:
Н. Прусенкова, В. Ярошевский

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия:

Роман АНИН (редактор отдела расследований),
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (редактор отдела политики и экономики),
Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОСТИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОЗ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели и специальные корреспонденты:

Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Павел ГУТИОНОВ,
Елена ДЬЯКОВА, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЬГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО,
Алиса КУСТИКОВА, Юлия ЛАТЫНИНА,
Елена МАСЮК, Елена МИЛАШИНА,
Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМОРНОВ,
Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ,
Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА,
Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР,
Арнольд ХАЧАТУРОВ, Олег ХЛЕБНИКОВ,
Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН, Роман ШЛЕЙНОВ

Отдел мультимедиа «Новая студия»:

Анна АРТЕМЬЕВА, Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:

Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы),
Иван ЖИЛИН (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск)

Группа выпуска:

Анна ЖАВОРОНKOVA, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (бильд-редакторы),
Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА,
Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО (технические редакторы)

WEB-редакция:

Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Елизавета КИРПАНОВА,
Роман КОРОЛЕВ, Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Надежда МИРОНЕНКО, Анастасия ТОРОП

ИЗДАТЕЛЬ

ЗАО «Издательский дом «Новая газета».
Председатель совета директоров и редакционного совета —
Дмитрий МУРАТОВ

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального директора),
Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами),
Ирина ДРАНKOVA,
Елена СЕДОВА (бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА (персонал),
Анжелика ПОЛЯКОВА (реклама),
Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба),
Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора)

Пресс-служба:

Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-ПБ»
СПб., 11-я линия, 66
Д.Л. КАЧАЛОВА (редактор)
199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.
ООО «Медиа.С-ПБ».
Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.
Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — 19 500 000 просмотров
за август 2019 г.
Тираж одного номера
в СПб — 3030 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета»». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета»». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2019 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не возвращаются. Направление писем в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благodatная ул., 63. Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 19:30, 05.08.2019. Номер подписки: 19:30, 05.08.2019. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00, 05.08.2019. Указанные читателям Просим все корреспонденции присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-ПБ».